Балканы. Красный рассвет

Автор:
Юлия Михайловский

Балканы. Красный рассвет

Александр Борисович Михайловский

Юлия Викторовна Маркова

Врата войны #5

Благодаря неожиданной помощи Российской Федерации из двадцать первого века потери РККА в летне-осенней кампании оказываются гораздо меньшими, чем в нашей реальности, а вермахт теряет треть боевого состава и необратимо ослабевает. К тому же к исходу года Советский Союз завершает мероприятия по мобилизации, и численность действующей армии теперь составляет рекордные двенадцать миллионов человек, что позволяет ротировать дивизии на фронте, сохраняя их боевой костяк. Красная Армия не только вырастает численно, но и довооружается – как тем оружием, которое поступает из двадцать первого века, так и тем, что начала производить перешедшая на военные рельсы советская экономика.

В Экспедиционном корпусе тоже проходит ротация. Получившие бесценный боевой опыт солдаты и офицеры возвращаются в свое время, а на их место заступают другие. Соединение Российской Армии на Великой Отечественной Войне снова готово к участию в боях.

Разгромив Финляндию и обезопасив свой северный фланг, весной 1942 года советское командование обращает внимание на вражескую группу армий «Юг». Впереди – весенне-летняя кампания, время окончательного изгнания врага с советской земли.

Александр Михайловский и Юлия Маркова

Балканы. Красный рассвет

Часть 17. Операция «Андромеда»

3 марта 1942 года, 03:05. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего

Присутствуют:

Верховный главнокомандующий, нарком обороны и генеральный секретарь ЦК ВКП(б) Иосиф Виссарионович Сталин;

Вр. И.Д. начальника генштаба генерал-лейтенант Александр Михайлович Василевский;

Посол РФ в СССР – Сергей Борисович Иванов;

Командующий экспедиционными силами генерал-лейтенант Андрей Николаевич Матвеев.

Расстеленная на столе у Верховного огромная карта-склейка изображала линию фронта от Балтийского до Черного моря во всем ее многообразии. Начинаясь у Баренцева моря на подступах к Мурманску, она на какое-то время растворялась в лесотундре, пунктиром пересекая северную Финляндию с востока на запад, примерно совпадая с руслом реки Кемиёки, и упиралась в побережье Ботнического залива. Исключение из этого правила советское командование сделало только для важного транспортного узла города Рованиеми, захваченного советским воздушным десантом. Поскольку в глубине Норвегии не было немецких воинских частей, за исключением люфтваффе, а финны как бы сдались, то нахальная десантная операция в условиях, приближенных к полярной ночи[1 - Город Рованиеми располагается фактически на линии полярного круга.], увенчалась блестящим успехом. При этом десантникам

удалось захватить расположенный поблизости аэродром с тридцатью транспортными самолетами «тетушка Ю», десятком «лаптежников», четырьмя сто девятыми мессершмиттами, одним связным «физелер шторхом» и одним ближним разведчиком «хеншель-126».

Попытки немецкого 36-го горного корпуса, ведущего бои с советским 42-м стрелковым корпусом за Алакуртти, развернуть часть сил и разблокировать транспортный узел закончились вполне ожидаемым фиаско еще до начала операции. Для начала половина сил корпуса, 6-я пехотная дивизия финской армии, вышла из войны, прекратила свое существование как боевая единица, и, разбившись на мелкие группы, двинулась в южном направлении, на соединение со «своими». Чтобы достичь Рованиеми, частям второй половины корпуса 169-й немецкой пехотной дивизии требовалось совершить пеший марш от линии фронта по узкой проселочной дороге длиной в двести с лишним километров. И это в тридцатиградусный мороз и в условиях полярной ночи. Но и это было еще не все. В конце этого смертного пути продолжительностью в десять-двенадцать дней немецких горных стрелков ожидал окопавшийся противник, имеющий поддержку с воздуха и регулярное снабжение. Поэтому отданный сгоряча приказ был почти сразу отменен и части корпуса начали свой смертный анабазис к арктическому побережью длинной в шестьсот пятьдесят километров с целью соединиться с осаждающим Мурманск корпусом генерала Дитля. А чтобы немцы по дороге не скучали, их колонны по пятам преследовали советские части, а также штурмовала авиация.

Южнее этой условной «линии Кемиёки» вперемешку бродили ушедшие в леса белофинны из «Шюцкора» и дезертиры из белофинской армии, а немногочисленные отряды финской Красной Гвардии, а также подразделения РККА и НКВД, занимали гарнизонами небольшие городки и крупные села. Там, в непроходимых лесных массивах, подразделения ОСНАЗа НКВД не на жизнь, а на смерть вели «малую войну» с белофинскими бандформированиями и недобитками, не желающими сдаваться в советский плен. Взводные тактические группы ОСНАЗа выслеживали и уничтожали банды, используя оснащенные тепловизорами транспортно-ударные вертолеты Ми-8 АМТШ, беспилотники и самолеты-разведчики. В первую очередь зачистке подвергались территории в окрестностях небольших городков и железных дорог, и только потом – более отдаленные лесные массивы. Тактика была отработана еще в Прибалтике, когда таким же образом после рывка на Ригу на освобожденной территории в кратчайшие сроки удалось передавить всех попытавшихся скрыться в лесах кайтселей и айзасаргов[2 - Кайтсели – эстонская буржуазно-националистическая организация, айзасарги – латышская.].

Также советские десанты заняли Аландские острова, а южнее, в Прибалтике, под контролем Красной Армии находилась почти вся Эстония, включая Моонзундский архипелаг, и половина Латвии. Остатки немецкой 18-й армии в котле под Пярну скукожились до такой минимальной территории, что советская корпусная артиллерия могла простреливать немецкий котел насквозь. Это сыграл свою роль воздушный террор потомков, почти полностью прервавших связь немецких окруженных частей со своим фатерляндом. Под Ригой линия фронта снова выныривала из моря и далее в основном проходила по руслу западной Двины до Даугавпилса. А далее – Полоцк-Лепель-Борисов-Бобруйск-Речица; и по линии Днепра до самого устья, включая Киевский и Херсонский плацдармы на правом берегу реки.

Верховный внимательно разглядывал карту, словно надеясь разглядеть на ней некие знаки судьбы, а потом произнес:

– Изменения по сравнению с другим вариантом истории просто разительные. Но за это мы должны благодарить не некоторых наших косоруких генералов и маршалов, а товарищей из будущего, которые в самый тяжелый момент оказали нам неоценимую поддержку. За прошедшие полгода Красная Армия закончила мобилизацию, а также получила неоценимый боевой опыт. И пусть у нас не все так хорошо, как это хотелось бы, но кое-что мы уже можем, тем более что наши потомки сражаются не только в составе экспедиционных сил, но и добровольцами в рядах РККА. Есть у нас уже и закаленные в боях дивизии и бригады, есть и проверенные делом генералы и старшие офицеры. Разгром белофиннов высвободил для дальнейших действий как минимум три армии, и теперь мы хотим знать, какие планы есть у нашего Генштаба по поводу весенне-летней кампании.

– Весна, товарищ Сталин, – сказал Василевский, – это всегда распутица. Первыми дороги просохнут в степях правобережной Украины. Тем более следует учесть, что на том участке фронта мы пока не проводили операций с решающим результатом, а немцы еще прошлой осенью изрядно разукомплектовали группу армий «Юг», переложив основную часть военных забот на плечи румын и венгров.

– И вы, товарищ Василевский, – спросил вождь, – предлагаете воспользоваться этим обстоятельством?

– Так точно, товарищ Сталин, – ответил тот, – предлагаю. Вслед за Финляндией было бы неплохо выбить из войны Румынию, а может быть, и Венгрию. Большая часть вражеских войск расположена вдоль линии фронта в излучине Днепра восточнее линии Киев-Одесса. Если нанести сходящиеся удары с Киевского, Херсонского и Одесского плацдармов – вот так, – то у нас должно получиться окружить и разгромить основные силы вражеской группы армий «Юг». В случае успеха в окружение попадут большая часть румынской и почти половина венгерской армии, вкупе с несколькими немецкими дивизиями.

– Товарищ Василевский, а не получится ли так, что задолго до достижения конечной цели операции наши подвижные соединения потеряют свою пробивную мощь? – строго спросил Верховный. – Ведь от Киева, Херсона и Одессы до Умани, где, по вашим замыслам, замкнется окружение – от двухсот до трехсот километров, а, насколько я помню, наши танки Т-34 и КВ довоенных выпусков физически не способны пройти без серьезных поломок более ста пятидесяти километров.

– Танковый корпус Катукова, – сказал Василевский, – а также аналогичные ему корпуса Лизюкова и Рыбалко на модернизированной технике такое расстояние пройти вполне смогут, как и боевые машины из состава Российских экспедиционных сил.

– Экспедиционные силы? – переспросил Сталин, – а мы и не думали, что это формирование хотя бы еще раз примет непосредственное участие в боевых действиях.

– Наше командование, – сказал генерал Матвеев, – сочло полезным продолжение непосредственного участия наших экспедиционных сил в боевых действиях, ибо полученный таким образом боевой опыт неоценим. Во всех наших частях и соединениях прошла ротация, и мы не видим препятствий к тому, чтобы еще раз использовать наши силы в бою, по крайней мере, до тех пор, пока бои будут идти на территории СССР. Вместе с тем хотел бы сказать, что авантюрой было бы начинать операцию ранее начала мая, как бы вам ни хотелось поскорее освободить советскую территорию от захватчиков. Во-первых – операцию необходимо тщательно подготовить, сосредоточив на плацдармах необходимый наряд сил и средств. Во-вторых – требуется дождаться окончания распутицы. Дороги у вас по большей части грунтовые, и прежде чем они просохнут, наступление начинать – авантюра. Кроме того, хотел бы заметить, что наступление на фронте желательно совместить с политическими действиями,

которые бы переманили на сторону Советского Союза Болгарию. Успех на этом направлении даст вам возможность проникнуть вглубь вражеского стратегического построения на тысячу километров и под корень подрубить весь южный фланг прогерманской коалиции.

– Погодите, товарищ Матвеев, – сказал Верховный, – скажите яснее, что вы имеете в виду под словами «политические действия».

– Болгария, – вместо генерала Матвеева заговорил Сергей Иванов, – и в Первую Мировую, и в эту войну находится в составе прогерманских коалиций лишь по той причине, что более никто другой не обещает ей вернуть исконные болгарские территории, отторгнутые в свою пользу Румынией, Грецией и Сербией еще в ходе Балканских войн… Сейчас они владеют этими землями де-факто, но как только прогерманская коалиция войну проиграет, Болгарию не только заставят вернуть все обратно, но и еще больше урежут ее территорию в пользу Греции, полностью лишив выхода к Эгейскому морю. Если вы сможете гарантировать болгарам сохранение своих исконных земель, то Болгария, скорее всего, выйдет из союза с Германией и вступит в союз с СССР. И тогда немцам придется несладко. Во-первых – будут разорваны коммуникации ведущие к оккупирующей Грецию группе армий «Зет». Во-вторых – окажутся нарушены перевозки речным транспортом по Дунаю. А ведь таким образом в Германию на переработку доставляется большая часть плоештинской нефти. В-третьих – Румыния окажется взятой в клещи между болгарской и советской армиями, и в таком случае диктаторский режим Антонеску долго не продержится.

– Мы вас поняли, товарищ Матвеев, – кивнул Верховный, взяв в руки трубку, – и звучат ваши слова, конечно, очень завлекательно. Но хотелось бы знать, что по этому поводу подумают греческие и югославские товарищи, которые считают, что по итогам войны эти территории снова вернутся к своим законным владельцам.

– Для начала, – сказал Сергей Иванов, – надо понять, каковы в этом деле интересы Советского Союза и кем нам приходятся болгары, румыны, греки и югославы – истинными товарищами, или же попутчиками и нахлебниками. Там, в нашем прошлом, в разгар развитого социализма политическая и экономическая синхронизация между Болгарией и СССР была такой плотной, что Болгарию называли еще одной внештатной республикой Советского Союза. А вот с остальными странами не все так благостно. Югославия – это рыхлый конгломерат земель, кое-как собранных вокруг сербской короны, и Македония

(или Вардарская бановина), в семействе мамки-Сербии – самый запущенный ребенок. На ее территории самая низкая продолжительность жизни, самый высокий уровень безграмотности и самые плохие дороги. К концу двадцатого века только менее десяти процентов граждан Югославии считали себя именно югославами, а не сербами, хорватами, боснийцами, словенцами и македонцами. И в основном это были дети от смешанных браков. Югославская нация так и осталась политической фикцией. К тому же нынешний лидер антифашистского сопротивления Иосип Броз Тито на самом деле нам не друг, хоть и коммунист, а всего лишь попутчик, который себе на уме. Как только закончится война, он начнет репрессии против своих же товарищей, придерживающихся просоветских взглядов. Эдакий балканский Наполеон карманного масштаба. Что касается Греции, то она никогда не была союзницей ни Российской Империи, ни Советского Союза, постоянно пребывая в зоне британского влияния. Кроме того, греческое государство с середины девятнадцатого века проводило на своей территории так называемую эллинизацию, и этнические чистки негреческого населения, а так называемое мировое сообщество, то есть англосаксы, всегда закрывало на это глаза. Они бы и на Гитлера закрыли глаза, если бы он осуществлял геноцид только в отношении славян. Что касается Румынии – то это такая страна, в обход которой Советскому Союзу и Болгарии пришлось организовывать специальную железнодорожную паромную переправу, чтобы грузы не разворовывали по дороге.

– Товарищ Иванов, – сказал Сталин, чиркнув спичкой и сделав первую затяжку, – мы еще подумаем над этим вопросом, но в принципе, поскольку мы уже решили не связывать себе руки довоенным статус-кво, в вашем предложении нет ничего невозможного. Финляндию мы в состав Советского Союза присоединили, и как Черчилль ни орал, так и не смог ничего сделать. Руки коротки. Болгарская армия, воюющая в одном строю с нашей – это серьезный аргумент при рассмотрении территориального спора. И в то же время, прежде чем браться за решения таких вопросов, необходимо тридцать три раза тщательно все взвесить и отмерить, и только потом судить. Мы уже знаем, сколько дров мы наломали на нашей собственной советской территории, когда отдавали армянские земли в состав Азербайджана, осетинские – в состав Грузии, а территории с русским населением вошли в состав Украины и Казахстана. Есть мнение, что в таком случае все зависит от усердия самих болгар в деле борьбы с Гитлеровской Германией, их желания стать еще одной советской республикой, а также желания жителей спорных территорий жить с ними и нами в одном государстве. Что бы там по этому поводу ни говорили господа в Лондоне и Вашингтоне. На этом, пожалуй, все, товарищи. Все свободны. А вы, товарищ Иванов, будьте добры, все-таки задержитесь на несколько минут. Есть один разговор.

Пять минут спустя, там же.

Присутствуют:

Верховный главнокомандующий, нарком обороны и генеральный секретарь ЦК ВКП(б) Иосиф Виссарионович Сталин;

Посол РФ в СССР – Сергей Борисович Иванов.

Когда, собрав свою карту, генералы вышли, Верховный прошелся вдоль стола, и, положив потухшую трубку в пепельницу, задумчиво произнес:

– Я с вами, товарищ Иванов, хочу поговорить с глазу на глаз, без генералов, а потому с полной откровенностью. Нашим военным не следует знать слишком много о политике, а то они начнут отвлекаться от своих непосредственных задач. Сказать честно, решение о возобновлении наземных операций вашими экспедиционными силами стало для меня неожиданностью…

– А вы, товарищ Сталин, неожиданностей не любите… – ответил Иванов.

– Да, – сказал вождь, – не люблю. Приятные неожиданности случаются редко, а вот неприятные – очень часто. И хоть последняя неожиданность оказалась достаточно приятной, но все равно, скажите, с чего вдруг такая щедрость?

– Войну надо заканчивать, товарищ Сталин, – неожиданно серьезным тоном сказал Сергей Иванов, – и как можно скорее. Причем заканчивать ее надо правильно. Серия стремительных ударов, нарубающая вермахт и его союзников на порционные куски. А потом – безоговорочная, но можно и почетная, капитуляция врага, граница – отодвинута на запад до Ламанша, и обязательно Парад Победы в Москве. И чтобы ни одна собака – ни из Лондона, ни из Вашингтона – не смела гавкнуть, что мы на что-то не имеем права. Мы можем все – по Праву Победителей. Всем лежать – бояться. Но для такого сценария нужны сила и опыт, а их у Красной Армии в целом пока еще недостаточно. Следовательно, на острия ударов надо ставить ваши лучшие соединения и лучших генералов – вроде Катукова, Рокоссовского и Жукова и наших, пусть и не хватающих звезд с неба, профессионалов, которые сумеют решить

поставленную задачу. Если в самом начале мы действовали вынуждено, в порядке отражения агрессии, то потом… потом оказалось, что эта война для нашего народа в самом деле священна и победа над Гитлером нужна людям по обе стороны Врат. Поток добровольцев, желающих сражаться в рядах Красной Армии, не убывает, а действующие военнослужащие пишут рапорта о переводе в соединения действующие в составе экспедиционных сил…

– Мы об этом знаем, – кивнул Верховный, – и очень ценим то, что сделали для нас ваши люди. Ваше государство помогало нам из прагматических соображений и за большие деньги, а вот люди пошли на войну по зову своей души. И мы им за это очень благодарны, чтобы там ни говорили по этому поводу отдельные товарищи – с ними мы еще разберемся…

– Да, это так, товарищ Сталин, – согласился Сергей Иванов. – Победа в этой войне с нацизмом – краеугольный камень существования нашего государства. Она определяет, что есть добро, а что есть зло, и те, кто думают иначе, находятся в ничтожном меньшинстве. Но Гитлер – всего лишь несмешной клоун с дурацкими усиками. На самом деле он – это внешнее проявление закоренелой проблемы. Советского союза и системы социализма нет уже почти тридцать лет, а вот патологическая ненависть элит коллективного Запада по отношению к русским осталась. Данному политическому деятелю, удачно оседлавшему патриотические настроения немцев, не повезло лишь потому, что вместе со всеми славянами он объявил недочеловеками еще и евреев. Всего нацисты убили примерно семнадцать с половиной миллионов мирных советских граждан и шесть с половиной миллионов европейских евреев – однако холокост Европа помнит, а геноцид русских, украинцев и белорусов забыла…

– Зато мы об этом помним, – сказал Верховный, – и делаем из этого, гм, явления свои выводы. Наверное, вы правы в том, что животный антисемитизм Гитлера – это явление случайное, а вот все остальное в нем может считаться проявлением неких системных закономерностей сознания коренного европейца. Кстати, как стало известно нашей разведке, ваш крысиный волк начал действовать. Причем весьма энергично. Генеральские головы летят во все стороны пачками. Уж не его ли вы имели в виду, когда говорили о возможности почетной капитуляции Третьего Рейха?

– А куда ему еще деваться? – пожал плечами Сергей Иванов. – Он там у нас около четырех месяцев прожил в специальном отстойнике для пленных генералов, и поэтому знает, насколько ничтожна та часть наших вооруженных

сил, что участвует в войне против Третьего Рейха на вашей стороне Врат. Экспедиционные силы, конечно, по численности значительно больше нашей группировки в Сирии, но представляют собой совсем небольшую часть российской армии: всего пять дивизий и авиагруппа примерно дивизионного состава. Мы объяснили этому деятелю, что воспринимаем проблемы Советского Союза очень близко к сердцу и при любом варианте развития событий сломаем Германию через колено. А если на ее стороне выступят Великобритания и Соединенные Штаты мы будем особенно жестоки и пристрастны и постараемся не оставить от немецкого фатерлянда и камня на камне. Он знает и о ядерном оружии, и о тех отношениях, что царят в нашем мире между нами и англосаксами, а потому воспринял это предупреждение с полной серьезностью. Рейнхард Гейдрих ведь не фанатичный нацист, а так, серединка на половинку – скорее, прагматик-карьерист, принявший чужие правила игры. Кроме того, он увлекающийся человек и авантюрист, имеющий достаточно храбрости, чтобы служить фронтовым летчиком-истребителем. А главное заключается в том, что этот человек ничем не провинился перед Советским Союзом и Российской Федерацией, и в то же время абсолютно неприемлем для британских и американских элит в качестве будущего руководителя германского государства. Он вышел в политику из военных моряков, а те в Германии все чистейшие англофобы.

– Товарищ Иванов, неужели вы думаете, что Гитлер позволит этому вашему Гейдриху согласиться на почетную капитуляцию? – спросил вождь советского народа. – Мы думаем, что немцы будут сражаться насмерть до последнего солдата и последнего патрона, потому что с Гитлером и другими фанатичными нацистами разговор у нас будет короткий. Никакой пощады, короткий справедливый суд да расстрел.

– Товарищ Сталин, неужели вы думаете, что Адольф Гитлер слишком надолго заживется у нас на белом свете? – в тон собеседнику ответил российский посол. – Мы жестоки и несентиментальны, а кроме того, фигура возможного преемника, образовавшаяся после прополки верхушки Рейха, нас вполне устраивает. Поэтому никакого отчаянного сопротивления обреченного Третьего Рейха не будет. В Кратово на складе уже хранится полуторатонная корректируемая противобункерная авиабомба с надписью: «Придурку Адику от благодарного российского народа. Вручить лично в руки». И пустим мы эту штуку в ход сразу же, как только даже самому тупому из немецких генералов станет ясно, что война проиграна и дальнейшее сопротивление только умножает немецкие потери.

Прохаживающийся по кабинету Сталин остановился и внимательно посмотрел на своего собеседника.

– Ах вот оно как, товарищ Иванов… – с оттенком одобрения сказал он. – Но как же тогда ваши мечты об открытом и справедливом суде, который бы осудил не только самих преступников, но и их пособников и подстрекателей?

Российский посол ответил советскому вождю легким пожатием плеч.

– Конечно, Гитлера, а еще Гиммлера, Геббельса и прочих Розенбергов, – сказал он, – хотелось бы судить справедливым открытым судом и по совокупности содеянного казнить прилюдно, да с особенным цинизмом – так, чтобы черти побросали дела и примчались перенимать опыт, но ради этой цели мы не пожертвуем ни одним лишним советским бойцом или командиром. Осудить эту кодлу мы сможем и посмертно, но как раз участники Мюнхенского сговора, пособники нацистов и подстрекатели мировой войны, скорее всего, благополучно переживут период военных действий и как миленькие сядут на скамью подсудимых.

– Очень хорошо, товарищ Иванов, – сказал Сталин, – мы тоже придерживаемся того мнения, что к ответу следует призвать кукловода, а куклу, даже если она бешеная, судить бессмысленно. Но сейчас говорить об этом преждевременно, поэтому я хотел бы поговорить на другую тему. Насколько мы понимаем, глубокий прорыв в сторону Балкан был как раз вашей идеей. Вы можете простыми словами объяснить, почему мы должны наступать именно на Балканском направлении, а не в Белоруссии и не в Прибалтике?

– Во-первых, – сказал российский посол, – на Балканах нас ждут. Про элиты говорить не будем, а вот простые болгары, сербы, черногорцы, греки и даже албанцы будут однозначно на нашей стороне. Враждебно, искренне пронацистски настроены боснийские мусульмане и хорваты, хотя, стоит отметить, что и среди них хватает людей, которые всей душой ненавидят нацистов и будут нашими союзниками.

– И в тоже время, – сказал вождь советского народа, – друг друга эти народы ненавидят больше, чем немцев. Сербы и греки крысятся на болгар и те отвечают им такой же пылкой «любовью». А еще там есть турки, албанцы, босняки и хорваты. И все люто ненавидят всех до исступления, которое доходит до грани

умопомешательства. Получается картина маслом: «Банка с пауками».

– Албанцы пока вне этой игры, – ответил Сергей Иванов. – Смена настроений у них в нашем мире произошла уже после войны, а в значительной степени после распада системы социализма. Пока они союзники югославских партизан. Как в таких случаях водится, идеология антикоммунистической оппозиции базировалась на жгучем национализме и после своей победы эти господа постарались переплюнуть самого Гитлера. Думаю, что не допустить такого поворота событий вполне в ваших силах. А вот сербов, греков и болгар поссорил между собой македонский вопрос. Все три народа считают эту землю своей. Болгары – потому что они живут на ней с седьмого века по наш день, греки – потому когда-то там располагалось царство Александра Македонского. Сербы – потому что считают, что им самим Богом заповедано объединить вокруг себя южных славян, так же, как сардинское королевство объединило вокруг себя Италию.

– Подождите, товарищ Иванов, – сказал Сталин, – а какое отношение нынешние греки имеют к Александру Македонскому?

– Да, собственно, почти никакого, – пожал тот плечами, – но надо же хоть чем-то обосновывать свои претензии. Кстати, если Балканы не возьмете вы, то там опять укоренятся англичане. При этом, неистово грызясь между собой, болгары, сербы и греки вполне положительно относятся к русским вообще и советским в частности. Думаю, что у вас получится развести по углам драчливых балканских детишек.

– Территориальный вопрос – это такая гадкая штука, что изжога от него остается на десятилетия и даже на столетия, но, с другой стороны, вы правы, – произнес советский вождь. – Стоит Германии ослабеть еще немного – и на Балканах будет не протолкнуться от британцев. А этого не хочется. Но в то же время, если дать болгарам то, что они хотят, то обидятся и сербы, и греки, ведь они уже тридцать лет считают эти земли своими. Нужно ли сейчас затевать новый передел?

– Греки за тридцать лет уже успели изменить этнический баланс на своих северных территориях, – сказал Сергей Иванов. – Частью – путем этнических чисток, частью – через так называемые обмены населения, когда греческую диаспору с территории Болгарии переселяли в Грецию, а также путем размещения на новообретенных территориях беженцев от геноцида Понтийских

греков в Турции. Поэтому к вашему времени от сплошного болгарского населения остались только районы компактного расселения, а к нашему – так и вовсе ничего. При этом имейте в виду, что националистическим ядом отравлены даже греческие коммунисты. Для народа, чья государственность была восстановлена после длительного перерыва – это вполне закономерное явление. Сербы ничего подобного в своей части Македонии совершить не могли. У них просто не было лишних людей, чтобы разбавлять ими болгарское население. Вместо того они повелели считать всех болгар в пределах Сербии сербами, решив, что тем самым устранили проблему.

– Спасибо, товарищ Иванов, – сказал Верховный, – мы еще подумаем над этим вопросом. Впрочем, тот, кто боится проблем, не занимается политикой. Я не хуже вас понимаю, что если мы упустим из своих рук хоть одну страну, хотя бы ту же Грецию, то получим на фланге трудноустранимую уязвимость.

– Уязвимость будет в любом случае, – сказал Иванов, – потому что вместо Греции англичане могут влезть в Турцию. А это и Проливы, и непосредственная граница с СССР, и много что еще…

– Да уж, – сказал вождь, – испугавшись нашего усиления, турки явно могут пойти навстречу британцам. И, кстати, наше разведка доложила, что с Балканами и Турцией связан новый проект Рейнхарда Гейдриха. Он решил, что во избежание конфликта с англосаксами европейских евреев следует не уничтожать в лагерях смерти, а депортировать в Палестину через территории Сербии, Болгарии и Турции. До Измира евреев должны довозить по железной дороге, там их примут сионистские организации и оплатят нацистам по сто американских долларов с головы взрослых работоспособных мужчин и женщин, пятьдесят – детей, и по двадцать – стариков. После этого беженцев будут грузить на пароходы под нейтральным турецким флагом и перевозить в Палестину.

– Это вполне похоже на Гейдриха, – ответил Сергей Иванов, – но к нам не имеет совсем никакого отношения. Мы и сами людьми не торгуем, и не должны позволять делать это другим. Впрочем, после закрытия балканского маршрута у нашего великого комбинатора останутся маршруты чрез Испанию и Швецию. Последний понадобится для того, чтобы вместе со спасающими свои жизни евреями с тонущего нацистского корабля сбежали бы и жирные нацистские крысы. Как появится информация, что стокгольмские дипломаты начали раздачу евреям шведских паспортов, это будет означать, что, по мнению высокопоставленных нацистов, их государство уже находится на грани краха.

– Мы будем иметь это в виду, – сказал Сталин, – ведь, скорее всего, ваш крысиный волк постарается спасти от нашего гнева кого-то из своих подельников, да и сам он тоже будет не прочь ускользнуть из западни. Что касается всего остального, то мы над вашими словами еще подумаем. Слишком глубокий получается прорыв, почти на тысячу километров вглубь вражеской обороны. Попахивает авантюрой. Не проще ли сначала повсеместно выдавить врага за линию госграницы, а уж потом постепенно идти дальше? Впрочем, и в вашем предложении тоже есть рациональное зерно. Большой выигрыш в случае успеха, и большой проигрыш в случае предательства тех же болгар…

– Риск предательства болгар, – пожал плечами Сергей Иванов, – тоже можно минимизировать, если переговорами займутся профессионалы, не ассоциирующиеся с Коминтерном. По счастью, англосаксы пока в Болгарии не в слишком большой чести, а немецкое влияние в связи с последними поражениями Третьего рейха там изрядно ослабло. Напротив, насколько известно НАШЕЙ разведке, под НАШИ гарантии вменяемая часть болгарской элиты, во главе с царем Борисом, готова и вести переговоры, и договариваться.

– Надо ли понимать, товарищ Иванов, – удивленно приподнял одну бровь Верховный, – что ВЫ вызываетесь на это дело добровольцем?

– Вы совершенно верно все поняли, – согласился с советским вождем его собеседник, – с вашего согласия переговоры с болгарским царем и руководителями патриотической политической группы «Звено» МЫ берем на себя. Считайте это таким же вкладом в общую победу, как и участие в боевых действиях наших экспедиционных сил.

– В таком случае, – сказал Сталин, – мы назовем эту операцию «Андромеда», и от ее успеха будет зависеть, ограничимся мы только разгромом группировки противника на правобережной Украине и освобождением территории СССР или же пойдем до конца, до самой Адриатики. Но только смотрите, чтобы не получилось так же, как с этим, как его, графом Брокдорф-Алефельдом. А то сдастся царь Борис на вашу милость вместе со всей своей буржуазной Болгарией – и что вы тогда будете делать?

– Во-первых, товарищ Сталин, – иронически улыбаясь, сказал Сергей Иванов, – мы не англосаксы, а потому не ведем отдельных переговоров за спиной своих союзников. Если у царя Бориса и появится подобное желание, то Вы будете

первым, кто об этом узнает. Во-вторых – перевезти в наш мир целую Болгарию было бы крайне затруднительно, речь может пойти только о переброске некой ограниченной группы людей, не желающих сосуществовать в одном измерении с советской властью. Но в этом случае есть дополнительные условия. С одной стороны – среди эмигрантов не должно быть активных сторонников нацизма, а с другой стороны – Болгария не Германия, на той стороне переселенцев могут и не принять. Так что по этой части еще бабушка надвое сказала, кто и куда поедет.

– Мы вас поняли, товарищ Иванов. – Сталин чиркнул спичкой, раскуривая трубку. – И желаем всяческих успехов в вашем благородном деле.

05 марта 1942 года, полдень. Великобритания, Лондон, бункер Правительства, военный кабинет премьер-министра Уинстона Черчилля

Последние полгода как у премьер-министра Великобритании не было ни одного спокойного дня. Разумеется, и прежде, до появления Врат, ведущих в будущее, жизнь Черчилля была далека от размеренной рутины мирного времени. Это дурак Чемберлен вместе с Даладье втравил Великобританию в войну в крайне невыгодной конфигурации. На что рассчитывали эти двое, натравив вермахт на восток, а потом чисто формально объявив Гитлеру странную войну без единого выстрела? Они что, думали, он не поймет, что Франция и Великобритания стремятся занять такие политические и военные позиции, из которых им будет выгоднее всего атаковать Германию в тот момент, когда ее основные силы будут яростно биться с большевиками на востоке. Адольф все понял правильно – и хитрецы, уже приготовившиеся бомбить Баку и посылать свой экспедиционный корпус на помощь воюющей Финляндии, жестоко поплатились за свое хитроумие. Даладье после разгрома Франции некоторое время скрывался, но был пойман, после чего угодил в немецкий концлагерь Бухенвальд. Его британский подельник Артур Невилл Чемберлен отделался отставкой, уехав в свое поместье, где еще до конца сорокового года скончался от рака кишечника. Это заболевание у него обнаружили незадолго до смерти, причем сразу в терминальной стадии. Ну, кто скажет, что это не Божья кара… ведь боли при этом заболевании такие, что перед ними бессилен даже морфий.

Когда на премьерство позвали его, Черчилля, который прежде криком кричал, что нельзя так потакать нацистской гиене, то исправлять что-то было поздно. Германская операция «Гельб», лишившая Великобританию единственного

союзника на континенте, началась за несколько часов до этого назначения, так что ничего изменить или отсрочить возможным уже не представлялось. Шесть недель войны на континенте, а потом еще целый год[3 - Франция капитулировала двадцать второго июня сорокового года, ровно за год до нападения на СССР.], когда Великобритания один на один противостояла монстру, подмявшему под себя всю Европу. От немедленного уничтожения тогда ее спасла узкая полоска воды, Канал, отделяющий Острова от Континента, а также мужество британских летчиков, зенитчиков и моряков, отбивших воздушное наступление на Британию. И только когда Гитлер наконец-то напал на СССР, Черчилль понял, что Британия окончательно спасена… Правда, поначалу казалось, что это лишь отсрочка, ибо вермахт взялся сокрушать большевистские полчища с той же резвостью, с какой он громил польскую, французскую, бельгийскую и голландскую армии. А потом все поменялось с точностью до наоборот – и уже немецкие дивизии ныряли в мальстрём Смоленского сражения, чтобы исчезнуть в нем навсегда. И только тогда стало ясно, что теперь уже никогда-никогда немецкие генералы не соберут вновь такую силу, чтобы попробовать провернуть высадку на берегах туманного Альбиона.

Но именно в эти дни британский премьер потерял покой и сон. Вместо известного, уже привычного зла появилось новое, незнакомое. Казалось бы, среднерусская возвышенность, где открылись Врата, расположена далеко из Великобритании, а пришельцы из иного мира на первых порах не выказывали желания далеко отходить от них. Но, что совершенно не понравилось британскому премьеру, советский диктатор как-то сразу потерял интерес к заключению союзного договора с Великобританией; видимо, новые союзники устраивали его больше. В один прекрасный момент Черчилль осознал, что больше не имеет рычагов влияния на советского вождя. Получив поддержку извне, дядя Джо сразу сделался дерзким и независимым, ни в грош не ставящим вечные британские интересы. Как британская дипломатия ни старалась спасти Финляндию от окончательного разгрома (а особенно от лишения государственности), красный диктатор игнорировал все исходящие из Форин Офиса сигналы, просьбы и увещевания. Ладно еще взятая русскими с налету Рига, которую в Лондоне с удовольствием объявили бы столицей возрожденного латышского государства. Но вот захват Хельсинки – это для Британии было уже слишком. На землю этого города больше двадцати лет не ступала нога русского солдата, – и вот он опять стал частью ненавистной Черчиллю империи, причем ненавистной вдвойне: и как русской, и как большевистской.

Однако всплеск британской ярости прошел впустую: британского посла Криппса просто не допустили к большевистскому диктатору. «Верховный главнокомандующий занят, – сообщили ему, – он много работает над документами и совещается с соратниками.» «Ага, занят, – зло подумал Криппс, – только и думает над тем, где бы еще нарушить довоенный статус-кво!»

Этот «довоенный статус-кво» стал той самой писаной торбой, с которой британский дурак с самого начала войны бегал по всей Европе. Ради его сохранения в Лондоне сидел целый зверинец разных «бывших», начиная с королей Бельгии, Норвегии, Греции и Югославии и заканчивая не представляющими никого, кроме самих себя, кучки польских эмигрантов. И добро бы паны вели себя прилично, – нет, они бегали, потрясали саблями и кулаками, требуя, чтобы Британия немедленно объявила войну их главному врагу – Советскому Союзу. И ведь никто из этих деятелей так и не задался вопросом: а зачем их хозяевам британцам такое счастье, воевать сразу и с Германией и с Советами? Америка пока не союзник, а лишь сочувствующий, а Франклин Рузвельт себе на уме. Довоенный статус-кво американскому президенту безразличен, при этом он совсем не прочь откусить чего-нибудь в свою пользу; да только ему не дает Конгресс, состоящий из одних изоляционистов. Ведь войну Америке Гитлер так и не объявил.

И что хуже всего – неожиданно люди Рузвельта начали суетиться в Москве. Гопкинс, Уоллес и, наконец, миссис Рузвельт, роль которой британской разведке так и осталась неясна. Несомненно, что вся эта компания искала контактов с русскими из будущего и, вполне вероятно, добилась своего. Америке, жестоко израненной нападением японцев, срочно понадобились сильные союзники, и, надо понимать, они нашли у русских из будущего полное взаимопонимание. Но самое скверное заключалось в том, что американцев русские пустили туда, откуда с порога гоняли англичан. Мол, ходят тут разные, кыш отсюда, нищеброды… Черчилль понимал, что если Рузвельту будет выгодно, тот задешево сдаст и его самого, и всю Великобританию оптом. С Гитлером команде американского президента разговаривать не о чем, у Великобритании просто нет того, что нужно американцам; для взаимовыгодной игры остаются только дядя Джо и мистер Путин. Вот Рузвельт их и обхаживает. Вопрос только в том, что ему заломили за открытие второго фронта в Манчжурии.

И ведь никогда не известно, что задумали эти русские – вот что страшно. Глухое затишье, то на одном участке фронта, то на другом взрывается стремительными, подготовленными в глубокой тайне наступательными

операциями, в кратчайшие сроки решающими поставленную задачу, после чего начинается добивание деморализованного окруженного врага. Единственным продолжительным сражением была битва за Смоленск, но при этом вермахт понес такие потери, что любая другая армия мира в ней была бы попросту уничтожена. Потом был прорыв русских к Риге, в результате чего немцы лишились еще двух армий из состава группы армий «Север». Восточный фронт еще очень далеко, но Черчилль буквально физически чувствует исходящую от него угрозу. Русская армия из будущего уже доказала, что способна наносить в буквальном смысле удары сокрушительной силы, да и большевики тоже стремительно постигают науку побеждать. Один-два таких же рывка, как и под Ригой – и русские армии окажутся в Европе; а там, куда ни плюнь, зоны вековечных британских интересов. В настоящий момент на Британию ориентируются эмигрантские правительства Польши, Норвегии, Югославии и Греции – то есть тех стран, что прежде составляли собой так называемый санитарный кордон против большевизма. И если у югославов и даже греков перед Россией имеется определенный пиетет, то поляки русских люто ненавидят, потому что когда-то проиграли им схватку за господство в Восточной Европе.

Правда, благодаря запредельным потерям немцев на Восточном фронте в Северной Африке у англичан наступило благословенное затишье. И это не только потому, что зимой в пустыне климат хотя бы отдаленно подходит для белых людей, но и потому, что Демон Пустыни, германский хитрец Роммель, которого приучен бояться всякий англичанин, теперь совсем не получает пополнений, и, более того, среди немецких офицеров поговаривают о переброске африканского корпуса на Восточный фронт. Мол, сам Роммель, а также его солдаты, танки и орудия сейчас куда нужнее там, где идет борьба с большевизмом, а не в никому не нужных песках Сахары. Но даже это затишье таит в себе угрозу. Черчилль не может не задумываться о том, что станет с Европой, когда немцы и их союзники на Восточном фронте просто закончатся, и, судя по темпам потерь вермахта, ждать этого остается уже недолго.

И эта проблема волнует не только британского премьера. Вот и два дня назад во время традиционного вторничного ланча премьера в Букингемском дворце этот вопрос неожиданно поднял король Георг VI. В самом начале разговора Его Величество сказал, что сгорает со стыда, а потом бросил на стол толстую стопку непривычно разноцветных газет. В основном это были британские и американские издания, преимущественно датированные второй половиной две тысячи восемнадцатого года по октябрь включительно. Оказалось, что эти газеты, за которыми с таким усердием охотилась британская разведка, были за

два дня до этого доставлены курьером в Букингемский дворец из советского посольства. Подарок, так сказать, королю от дядюшки Джо.

Много, много интересного из этих газет узнал о своей семье и стране британский монарх…

– У меня такое ощущение, будто я с разбегу нырнул в выгребную яму, – в сердцах сказал король. – Мой внук трясет своим грязным бельем по всему миру! Мой правнук женился на продавщице и даже, более того, она оказалась «цветной»! Только подумать… Все это не приснится и в страшном сне, и тем не менее это данность, с которой необходимо смириться. Британия будущего утратила все колонии и боевую мощь, из-за чего попала под контроль наших заокеанских кузенов. В мире с ней считаются не больше, чем с какой-нибудь Бельгией. Знаете, сэр Уинстон, настоящих англичан в двадцать первом веке почти не осталось, страна переполнена выходцами из бывших колоний: неграми и магометанами, а в Лондоне есть такие районы, где вовсе не звучит английская речь. В результате этого мэром Лондона уже два года является магометанин по имени Садик Хан. Но худшее даже не в этом, а в том, что сильнее всего деградировала наша элита. Правительство Ее Величества в том мире ведет себя так, будто его набирали исключительно из пациентов Бедлама. Я начал сомневаться – стоит ли нам сражаться за такое будущее для Британии или лучше, открыв кингстоны, уйти на дно на ровном киле?

– Сражаться стоит всегда, – ответил Черчилль, – даже если ситуация безнадежна, а мы со всех сторон не правы. Русские же из обоих миров сражаются рука об руку, хотя две России в разных мирах имеют между собой больше различий, чем сходства. Я не знаю, чем бы могли поддержать ту Британию, но несомненно, что такая поддержка должна быть оказана.

– Скажите, сэр Уинстон, а вот мы смогли бы поддержать коммунистическую Британию, или, например, Британию Кромвеля, пусть даже другая ипостась нашей страны вела бы ожесточенное сражение за собственное существование против нашествия гуннов или лягушатников? – вдруг спросил король. – Я думаю, что нет, и, что еще более вероятно, британские большевики или кромвелианцы тоже не стали бы поддерживать нашу страну. Более того – и мы, и они постарались бы воспользоваться трудностями, чтобы свергнуть в другой Британии законную власть и закрепить у руля братской страны своих собственных ставленников. Наши кузены американцы, хотя они в одном с нами мире и одном времени, совсем не торопятся к нам на помощь, ограничиваясь в

этом деле лишь коммерческими предложениями. При этом с не меньшей активностью они обхаживают дядюшку Джо и мистера Путина, поскольку надеются поиметь от них гораздо больше, чем от нас. О, если бы Гитлер сам объявил войну американцам – тогда мы хоть на какое-то время стали бы настоящими союзниками…

Эти слова короля настолько совпали с мыслями самого Черчилля, что он только кивнул, и остаток ланча прошел под ничего не значащую в стратегическом смысле беседу, касающуюся исключительно местных вопросов. Ну а как же иначе. Обескровленный на восточном фронте вермахт не может и мечтать о десанте на Британские острова или наступлении в сторону Суэцкого канала. И в тоже время Британия без поддержки американцев тоже способна проводить только отвлекающие операции. Еще после эвакуации африканского корпуса Роммеля британская армия получит возможность самостоятельно вытеснить итальянцев из Ливии, но эта победа будет слишком мало значить. Кому нужны[4 - О ливийской нефти в 1942 году никто и не подозревает. Геологоразведочные работы там начались в 1955 года, а в промышленных масштабах нефть в Ливии начали добывать с 1970 года.] бескрайние пески Сахары, населенные первобытными дикарями? Правда, из Ливии можно проникнуть в Алжир, Тунис и французское Марокко, «попросив» оттуда французов на том основании, что эти территории поддерживают режим Виши; но на этом военные возможности Британии «западнее Цейлона» исчерпываются.

Атлантическая хартия в настоящее время – это скорее соглашение о намерениях, чем реальный союз. Но Германия, и так терпящая поражение, никогда не пойдет на такую глупость как объявление войны США, а значит, британцы и американцы будет сражаться только каждый за себя. И еще Рузвельту надо сказать спасибо, что пока не отменен и не сокращен ленд-лиз. Но и это лишь потому, что Великобритания у американцев до сей поры числится надежным платежеспособным партнером. Настоящий союз американское правительство будет заключать именно с русскими, потому что только они, ударив по Корее и Манчжурии, в состоянии переломить ход войны на Тихом океане. А дела там у янки обстоят хуже некуда. После погрома в Перл-Харборе, не оставившего от американской базы и камня на камне, японцы высадились на Филиппинах и к настоящему моменту заняли почти весь архипелаг. Единственным непокоренным узлом американской обороны остался укрепленный остров Коррехидор, береговые батареи которого перекрывают вход в Манильский залив.

Не одни американцы погрязли в унизительных поражениях на Тихом океане. Сорок лет назад Британская империя вместе с Североамериканскими соединенными Штатами принялись откармливать маленького азиатского тигренка, чтобы потом натравить его на русских – и вот он, закономерный результат: подросшее чудовище накинулось на своих создателей. Потеряны Британский Борнео, Малайя, Сингапур и Соломоновы острова. Готовятся к вражескому вторжению Австралия и Новая Зеландия, а на границе Индии и Бирмы идут ожесточенные бои[5 - В этом варианте истории японское командование не стало замахиваться на Австралию и Новую Зеландию (вследствие чего из их планов выпала и Новогвинейская операция), а сосредоточила усилия на прорыве в Индию.]. До наступления сезона муссонных дождей японское командование любой ценой стремится захватить провинцию Ассам и прорваться в долину реки Брамапутра. По ту сторону границы их уже ждут отряды так называемой индийской национальной армии, военного крыла национально-освободительного движения «Азад Хинд», подчиняющегося мятежнику, бунтовщику и лидеру индийских повстанцев Чандре Босу – всеядному политику, известному сотрудничеством сразу с советской, германской и японской разведками.

Утрата Индии будет означать для Британии потерю всего. Территорий, политического и военного авторитета, а также падения рейтинга доверия ниже критической отметки. И вот тогда янки могут пересмотреть отношение к Британии, переведя ее из разряда равных партнеров в разряд неплатежеспособных должников. А потому черт с ней, с Северной Африкой, – сохранили за собой Египет, и то хорошо. Все наличные силы следует бросить на Бирманский фронт, чтобы любой ценой остановить японское наступление.

Что же касается русских, то если не удалось их поссорить между собой, необходимо приложить все усилия к тому, чтобы в Европе они встретили самый неблагоприятный прием. Британская агентура должна внушать местным жителям, что русские не освобождают их от немцев, а лишь заменяют одну оккупацию другой. Да-да, эту идею Черчилль почерпнул из газет двадцать первого века, сочтя ее чуть ли не единственной здравой мыслью в той бумажной клоаке. Необходимо вызвать в Форин Офис Миколайчика и прочих и хорошенько накрутить им хвосты. Но если поляки помчатся исполнять британскую указивку впереди собственного визга, то с остальными еще придется поработать…

И самое главное – не стоит забывать о Турции. Если прежде эта страна ориентировалась исключительно на Германию, то теперь президенту Иненю,

должно быть, уже стало ясно, что немецкий Росинант необратимо сдох и более не поднимется. Британия – вот единственная страна, готовая гарантировать безопасность тем, кто не желает попадать под большевистское владычество. Разведка докладывает, что в Болгарии сильны прорусские настроения, а ее царь ищет контактов как со Сталиным, так и с русскими из будущего. Объявив Болгарии войну, турки могут отомстить за старые обиды, а заодно поправить свою карму, изрядно испорченную сотрудничеством с Гитлером. Нападать на Советский Союз для Турции было бы самоубийством, а вот союзная Германии Болгария будет ей вполне по силам.

8 марта 1942 года, Третий рейх, Бавария, резиденция Гитлера «Бергхоф».

Группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции Рейнхард Гейдрих.

С момента обратного внедрения Рейнхарда Гейдриха в верхушку Третьего Рейха прошло более двух месяцев. Сначала от него шарахались как от зачумленного, потому что он вернулся оттуда, откуда в принципе вернуться нельзя. Гейдрих чувствовал себя кем-то вроде вдруг воскресшего покойника, доставившего в мир живых документы, составленные в канцелярии самого герра Сатаны. Но управляющая верхушка Германии понесла слишком большие потери, а Гитлер испытывал к своему молодому протеже слишком большое доверие, раз отдал в его распоряжение всю репрессивную машину Третьего Рейха, поэтому волей-неволей партийные функционеры и государственные чиновники понемногу начали выполнять волю человека, закодированного в советских документах под прозвищем «Крысиный Волк». Нет, деятели нацистской партии сначала артачились и ерепенились, но потом во время езды по горному серпантину у машины Бормана вдруг лопнуло колесо, и главный спец НСДАП по партийным кадрам улетел на своем «Хорьхе» в пропасть, унося на тот свет все свое влияние.

И только один Гейдрих подозревал, что колесо лопнуло совсем не случайно. Он и сам искал различные способы, чтобы необратимо устранить своего главного конкурента по влиянию на Гитлера; ему никак не удавалось придумать способ, позволяющий убрать Бормана и самому остаться в стороне, чистеньким и не замаранным. И тут – бац! – и все случается как бы само собой. И вот что примечательно – тот, кто это сделал (Гейдрих подозревал агента русских из будущего), не оставил никаких следов. Горная дорога в тот момент была пустынна, так что свидетелей смерти Бормана не было. А может, это сам

Борман, убедившись в бессмысленности дальнейшего сопротивления, рыбкой нырнул с борта тонущего нацистского корабля, обрубая за собой концы. Изувеченный и обгоревший труп человека на заднем сидении был схож с Борманом комплекцией и телосложением, но у такого хитреца как он наверняка имелись двойники… Тут поневоле пожалеешь о достижениях будущих времен, позволяющих сделать ДНК-тест и достоверно выяснить, он это или не он.

В силу своего положения Гейдрих сам контролировал ход следствия и позаботился о том, чтобы оно сделало «правильные» выводы. Это был только несчастный случай, и ничего более. Хотя вопросы все равно остались. А если Борман инсценировал свою смерть и скрылся, то следовало ждать неприятностей. Ведь Гейдриху так и не удалось выяснить, на кого работал этот деятель. На англичан, на американцев… или же на русских. Ведь то, что герр Иванов не сдал ему этот контакт, могло не значить ровным счетом ничего. Их обоих могли разыгрывать втемную. Точнее, втемную в таком случае разыгрывают Гейдриха, а Борман должен был понять, откуда дует ветер, и добровольно очистил поляну от своего присутствия. Случилось это вскоре после того, как Гитлер, испуганный близостью фронта, перебрался из «Вольфшанце» в свою альпийскую крепость «Бергхоф». Мол, в следующий раз ему могут подбросить штучку поопаснее, чем его любимый ученик. Правда, Гейдрих подозревал, что если русские из будущего переменят свое мнение и решат уничтожить нынешнего вождя германской нации, то от расправы того не спасет ни удаленность альпийской резиденции от линии фронта, ни ее расположение среди скальных массивов.

Кстати, следствие по генеральскому делу продвигается вполне успешно. Некоторых генералов (тех которые ему еще понадобятся) Гейдрих успешно выводил из-под подозрений, делал невинными жертвами клеветы, зато других низводил до Бухенвальда, Дахау и расстрельной стены. Пустить дело на самотек и расстрелять всех, до кого смогло дотянуться следствие, означало остаться вообще без генеральского корпуса. За исключением тончайшего слоя фанатичных нацистов, все господа немецкие генералы были в той или иной степени нелояльны фюреру в частности и Третьему Рейху вообще. В пору побед, когда немецкие подвижные соединения и люфтваффе одну за другой лихо громили вражеские армии, когда к ногам победоносного немецкого солдата падали Варшава, Роттердам, Антверпен, Париж, Белград, Минск, Лемберг и Рига – эти генералы ничуть не сомневались в военном гении фюрера. Но едва начались неудачи, всю их лояльность будто отрезали ножом – как говорят в таких случаях русские, «по самые помидоры».

Проведя четыре месяца в российском отстойнике для отработанного материала, Гейдрих не только еще сильнее возненавидел закостеневшую в своей спеси германскую генеральскую касту, но и призадумался о том, кто же все-таки они такие – эти русские, с которыми по воле фюрера Третий Рейх вступил в схватку не на жизнь, а на смерть. В то, что это унтерменши-недочеловеки, Гейдрих перестал верить еще до появления Врат. Унтерменши не смогли бы сорвать выполнение плана «Барбаросса», сроки исполнения которого были поставлены под вопрос еще с первых дней продвижения вглубь русской территории, а уже начиная с рубежа Днепра план был забыт, и началась чистая импровизация. Вермахт наступал, и в то же время нес невосполнимые потери, а навстречу ему, с востока, выступали все новые и новые свежие дивизии: сначала это были соединения внутренних округов, а потом и те части, которые большевики успели сформировать по мобилизации. Их бросали в бой без дополнительного обучения и без боевого слаживания, лишь бы любой ценой затормозить разбег продвигающихся вглубь России панцергрупп. Русские дрались яростно, сгорая заживо, но не отступая, и если бы не эта их ярость, то советскому вождю не помогли бы никакие пришельцы из будущего. А ведь Гейдриху уже известно, что один раз Советский Союз также сумел разгромить Германию взять штурмом Берлин и водрузить над рейхстагом свое Алое Знамя Победы – все это без помощи ИЗВНЕ…

Прав был герр Иванов – проблемы Российской Империи заключались в ее последнем императоре, а что он, что его супруга, с точки зрения расовых законов, являлись стопроцентными арийцами. И, напротив, вожди русских, герр Сталин и герр Путин, не имеют никакого отношения к нордической расе, как ее понимают в Германии, но при этом от их свершений хватаются за голову политики в обоих мирах. Нация, развивавшаяся во враждебном окружении, выстоявшая под ударами с запада, востока и юга, и даже, более того, создавшая величайшую в истории человечества континентальную империю… Подумав об этом, Гейдрих произнес короткую молитву, попросив, чтобы в обслугу Альфреда Розенберга назначили самых инициативных и изобретательных чертей, поскольку бредни этого человека загнали Германию в такую ловушку, из которой не мог найти выхода даже изощренный ум Гейдриха.

Как теперь объяснить миллионам немцев, что фюрер и партия по русскому вопросу «немножко» ошибались, что внутри каждого русского солдата сидит зародыш будущего «марсианина» и что когда две России в достаточной степени интегрируются друг в друга, Рейх будет в кратчайший срок стерт в порошок их ужасающей мощью? Как объяснить тем же немцам, что мир с Британией невозможен ровно до тех пор, пока действуют Нюрнбергские расовые законы, а

у руля Германии стоит их любимый фюрер Адольф Гитлер? Помимо этого, Черчилль и компания потребуют оставить все территории, которые Германия завоевала силой оружия. Как объяснить народу, что мир на Западе, тяжелый, унизительный и позорный, даже если удастся его добиться, не будет означать мира на Восточном Фронте, ибо одним из условий мира с Британской империей будет продолжение войны против большевистской России? Германскую армию используют в качестве пушечного мяса, а в итоге Германию все равно ждет поражение, ибо никакая помощь англичан не перевесит таранной мощи коалиции двух Россий. Как объяснить немцам, что «белокурые бестии» столько уже натворили на Востоке, что мира в обычном смысле между Германией и Советским Союзом не может быть вообще, а возможна только капитуляция, условия которой могут меняться от почетных до безоговорочных? Как объяснить немецким солдатам, что идеи, в которые они верили, за которые сражались и умирали, во имя которых совершали свои подвиги и преступления – все это было мороком и обманом, ложной теорией, выдуманной одним рижским студентом-недоучкой, которого за врожденную тупость не приняли в русские большевики?

А ведь если никому и ничего не объяснять, то в один не самый прекрасный момент Рейх под сокрушительными ударами с Востока начнет рассыпаться как карточный домик, точно так же как измученная четырехлетней войной рассыпалась империя кайзера Вильгельма. Так же все может рухнуть, как только умрет фюрер. В верхах будут драться за власть, а у солдат на фронте просто опустятся руки. А в том, что фюрер умрет в самое ближайшее время, причем умрет внезапно, у Гейдриха сомнений не было. Ведь на самом деле и герр Иванов, и его начальник герр Путин, и сам герр Сталин, отпуская его, Гейдриха, обратно в Германию, ставили перед собой только одну цель – свою победу. Возможно, это будет почетная капитуляция, сберегающая жизни солдат и материальные ресурсы, а возможно, Красная Армия просто ворвется в Европу, гоня перед собой деморализованные и неуправляемые остатки вермахта – точно так же, как в конце прошлой Великой войны, после крушения монархии, германские солдаты гнали на восток растрепанные толпы русских дезертиров. Разница лишь в том, что тогда Германия не могла и не хотела занять всю территорию России, ограничившись лишь самыми жирными кусками, а вот большевистский Советский Союз сможет оккупировать весь Рейх без остатка, чтобы насадить в нем свои порядки.

То, что задача, стоявшая перед Гейдрихом, выглядела невыполнимой, и при этом провал грозил ему тем, что хуже самой смерти, заставляло его изощренный ум метаться в поисках выхода от одного варианта решения к другому. Первой потерпела крах идея найти Отто Штрассера и возложить на него, непричастного

к преступлениям и самого просоветского наци, ответственность за руководство партией и Рейхом. Агенты Гейдриха просто не смогли разыскать этого человека, чтобы вступить с ним в переговоры. Его не было ни в Швейцарии, ни в Швеции, ни в Португалии, ни где-нибудь еще, куда дотягивались щупальца немецкой военной разведки. Потом Гейдрих узнал, что год назад Шелленберг по приказу Гитлера уже затевал грандиозное заграничное предприятие по поиску уцелевших братьев Штрассеров, чтобы убить их там, где они будут находиться. Та операция закончилась провалом, и в этот раз будет примерно то же. Агенты никого не найдут, но при этом понесут потери, от контрразведок тех стран, в которых им придется действовать.

Кроме того, выяснилось, что искать Отто Штрассера бесполезно. Этот человек не имеет в Германии хоть сколь-нибудь значимого количества сторонников и не в состоянии возглавить Рейх. Во-первых – потому, что по уровню харизмы ему далеко до Гитлера. Во-вторых – из-за того, что вариант идейного синтеза большевизма и нацизма оказался мертворожденным уродцем, ибо две содержащиеся в нем идеи взаимно аннигилируют друг друга. Недаром же сторонники его Черного Фронта в итоге разбежались по противоположным флангам: кто в КПГ, а кто и в НСДАП. Большевизм немыслим без интернационализма, а национальная идея – без капитализма. Ведь классический немецкий национал-социализм – всего лишь крайняя форма евросоциализма, требующего, чтобы национальная буржуазия делилась со своими рабочими сверхприбылями, образующимися при эксплуатации колоний. Одним словом, маневр со Штрассером не обманет русских, но при этом существенно ослабит Рейх, ибо этому человеку, не выражающему ничьих интересов, откажутся подчиняться и низы и верхи.

А в остальном, на первый взгляд, все хорошо. Взамен сгоревших на восточном фронте панцеров строятся новые, улучшенной модификации с удлиненными пушками и увеличенной толщиной брони. Правда, при этом категорически не хватает броневой стали, ибо железная руда из норвежского Нарвика и никель из Киркинеса не поступают уже несколько месяцев. Не хватает и вторичного металла, ведь поля сражений, где погибли все четыре танковые группы, остались на русской стороне линии фронта и теперь броня германских танков плавится в уральских мартенах, что усиливает русских и ослабляет Германию. Металл для переплавки в Рейхе собирают где только можно, выгребают запасы Франции, других покоренных стран, а также прямо на стапелях разделывают недостроенные французские линкоры. Но худшее для Рейха заключается не в нехватке металла, и не в том, что модернизированные панцеры, получив возможность бороться против русских Т-34 и (с трудом) против КВ, ничего не

смогут сделать с боевыми монстрами из будущего. Проектирование тяжелого самоходного орудия на базе панцера T-IV и 128-мм зенитного орудия находится в самом начале и сталкивается с неодолимыми трудностями. Самоходка получается настолько тяжелой, тихоходной и неповоротливой, что ее перспективное применение в боевых условиях становится проблематичным. Хуже всего то, что большая часть опытных экипажей с довоенной выучкой, – что в люфтваффе, что в панцерваффе, – к настоящему моменту уже погибла или находится в плену. В ходе Смоленского сражения попали в котлы и были полностью уничтожены практически все дивизии подвижных соединений довоенного формирования, вермахт понес невосполнимую утрату не только в опытных танковых и авиационных экипажах, но и в панцергенадерах, офицерах и солдатах довоенной подготовкой. Солдаты и офицеры, что стояли на острие удара на Московском направлении, составляли золотой фонд германских вооруженных сил, и теперь их просто не существует. После понесенных потерь кадровый состав Панцерваффе необходимо создавать заново, и никто не знает, сколько это займет времени: до лета или, быть может, еще больше.

А ведь русские ждать не будут, их солдаты и офицеры как раз набрались боевого опыта в прошлогодних сражениях и сейчас находятся на пике своей формы. Если главный удар Красной Армии последует на Берлинском направлении, через Белоруссию или Прибалтику, то все кончится еще до летнего солнцестояния. Если же русские армии ударят на юге, то Рейх еще немного потрепыхается, а у него, Гейдриха, появится дополнительное время для захвата власти и поиска политического способа договориться о почетной капитуляции. Еще один путь для этого – сотрудничество с сионистскими организациями. В Женеве уже идут переговоры о том, что если Гейдрих сумеет наладить экспорт живых-здоровых (и желательно молодых) евреев из Третьего Рейха в Палестину, то сионисты, в свою очередь, замолвят за него словечко перед Рузвельтом или тем же Сталиным. Ведь он не может потерпеть неудачу – хотя бы просто потому, что в ином случае Германия подпадет под неограниченную власть большевиков и в ней начнется такое, о чем сейчас лучше не думать.

10 марта 1942 года. Полдень. Болгария. София. Царский дворец на площади Князя Александра I.

Болгарский царь Борис III, по-байроновски сложив на груди руки, смотрел в окно. Погода на улице была мерзкая: над столицей Болгарии нависли низкие серые тучи, из которых сыпался мелкий моросящий дождь, а порывистый ветер

выворачивал из рук прохожих зонты и горстями бросал холодную влагу прямо им в лица. Все было под стать настроению болгарского монарха, ведь точно такие же низкие серые тучи нависли и над его страной. Уже вторую Великую Войну Болгария сражается в составе прогерманких коалиций. И оба раза причиной такой политической конфигурации становился македонский вопрос. Тут, в Софии, македонцев считают неотъемлемой частью болгарского народа, а Македонию – западной частью Болгарии, незаконно отторгнутой от нее после вмешательства в балканские дела европейских государств. Потом повторно Македонию у болгар похитили тридцать лет назад. Пока болгарские войска сражались во Фракии, пробиваясь к Константинополю и отвлекая на себя основные резервы турецкой армии, греки и сербы за их спиной втихаря разделили Македонию.

Это мелкое крысятничество стало причиной межсоюзнической войны, в ходе которой Болгария попыталась вернуть свои земли силой (вместо уже назначенного арбитража в Петербурге), и в итоге потерпела сокрушительное поражение. А все потому, что по ходу той войны на Болгарию набросились все соседи, включая битых на предыдущем этапе турок, а также румын, которым Болгария не сделала ничего плохого, но которым очень уж нравилась болгарская провинция Южная Добруджа. Единственная сила, которая еще могла примирить балканские народы, добровольно самоустранилась от этой истории: Русский царь Николай Второй обиделся, что Болгария при подстрекательстве Австро-Венгрии предпочла силовое решение вопроса арбитражу в Санкт-Петербурге и умыл руки, предоставив ее своей судьбе.

В результате самоустранения России от балканской политики в ходе первой Великой Войны Болгария оказалась в стане врагов своих главных обидчиков: Румынии, Сербии и Греции, а все из-за того, что и правящая верхушка, и народ были солидарны в одном – Южную Добруджу и Македонию необходимо возвращать в состав своего государства. Румыния и Сербия были разгромлены и фактически прекратили свое существование, а Болгария воссоединилась со своими отторгнутыми территориями. Впрочем, счастье существования в таком единстве было недолгим. Центральные державы потерпели сокрушительное поражение от Антанты, и по Нёйискому мирному договору[6 - Нёйиский договор – мирный договор (являвшийся частью несправедливой Версальской системы) заключённый между Болгарией, проигравшей Первую мировую войну в качестве участницы блока Центральных держав, и противостоящими блоку странами Антанты. Договор был подписан 27 ноября 1919 года в пригороде Парижа Нёйи-сюр-Сен (фр. Neuilly-sur-Seine).Болгария теряла часть территории (свыше 11 тыс. км? или 1/10 территории страны и 1/7 населения), которая

передавалась Греции, Румынии и Королевству Югославия.Сумма наложенной на страну контрибуции составила 2,25 млрд франков золотом (407 млн дол. или 1/4 национального достояния), которые Болгария должна была выплатить в течение 37 лет.Численность сухопутных вооружённых сил ограничена до 33.000, включая 20.000 – армии, 10.000 – жандармерии и 3.000 – пограничников. Призывная служба отменена. Военно-морской флот Болгарии сокращался до 10 кораблей; также Болгарии запрещалось иметь авиацию и любые виды тяжёлого вооружения.] Болгария утратила даже те территории, которыми владела по итогам межсоюзнической войны.

И теперь все повторялось сначала, как будто один раз Болгария уже не наступала на эти грабли. И снова на кон встал Македонский вопрос, ради которого ей пришлось вступить в коалицию с Германией, Венгрией и, ради разнообразия, Румынией. Других вариантов у царя Бориса не было, ведь враги болгар ориентировались на Англию и Францию, а враг врага, как известно, является другом. И снова, как и четверть века назад, Югославия и Греция оказались разгромлены, болгарская армия освободила населенные соотечественниками земли, вернув все утраченное в предыдущих войнах. При этом, казалось бы, издержки были невелики, ибо Франция потерпела поражение и выпала из политики, Британия была далеко, а воевать против Советского Союза царь Борис отказался наотрез, как ему ни выкручивали руки в Берлине. Впрочем, на первых порах немцы не очень-то и старались со своими уговорами, рассчитывая справиться с СССР собственными силами… Ну а потом царь Борис благодарил себя за предусмотрительность, ибо после образования Врат на орехи досталось всем, и немцам в первую очередь, а вот Болгария оказалась от этого «веселья» в стороне. Черная пелена дыма, затягивающая северную часть горизонта из-за горящих Плоештинских нефтепромыслов в течении нескольких месяцев, в хорошую погоду прекрасно наблюдалась с болгаро-румынской границы по Дунаю.

Но то, что Болгария не воюет против СССР, не отменяла того очевидного факта, что вторая прогерманская коалиция, членом которой она является, в самое ближайшее время должна потерпеть такое же поражение, как и Четверной союз в прошлую войну. А там, на горизонте, вместе со своими англо-французскими покровителями, снова появятся обиженные греки и сербы, и Болгарии снова придется отдавать свои земли, унижаться и выплачивать контрибуцию. И ведь чем дальше, тем сильнее Германия требует от царя Бориса выполнять свой союзнический долг – то есть объявить войну Советскому Союзу и послать войска на Восточный Фронт. В противном случае Гитлер грозит оккупацией – мол, никакие вы не союзники, а настоящие враги-изменники, славяне-недочеловеки.

И эта перспектива тоже нервирует монарха. Красная Армия и ее российские союзники с той стороны Врат еще далеко, а вот его государство по всему периметру границ окружено либо искренними союзниками Гитлера, которые с радостью потопали на восток за землями и рабами, либо оккупированными Германией территориями. Да, сил у Германии и ее союзников сейчас не особо много, но болгарской армии, сражаясь в одиночестве, все равно не устоять.

Но царю Борису было неизвестно, как русские из будущего отнесутся к его стране, станут они выручать ее из трудного положения или же посчитают, что не обязаны спасать добровольного союзника Германии. Сам он еще бы десять раз подумал, прежде чем связываться с Гитлером, но общественное мнение требовало воссоединения с Македонией, причем любой ценой. И игнорировать этот факт болгарский монарх не мог. В свое время сверхпопулярный премьер-министр Александр Страмболийский, едва посмел отказаться от претензий на Македонию, моментально оказался свергнут в результате военного переворота, а подчиненная лично ему крестьянская Оранжевая Гвардия отказала своему вождю в преданности и разошлась по домам. После этого опальный политик был схвачен солдатами, судим военно-полевым судом как изменник и сразу же расстрелян. И такая участь ожидала любого, кто свернет с заданной обществом политической линии, пусть даже она ведет прямо в ад. И точно так же общество отнесется к тому политику, который посмеет объявить войну Советскому Союзу или России, лежащей по ту сторону Врат. В этом болгарское общественное мнение, за исключением отдельных отщепенцев, тоже было едино.

О том чтобы вести тайные переговоры по официальным каналам через советское постпредство в Софии или болгарское представительство в Москве, царь Борис не мог и мечтать. В Софии, в том числе и в болгарском МИДе, имеется достаточно агентов гестапо, абвера и прочих германско-нацистских спецслужб, чтобы все тайное моментально стало явным. Нельзя было делать это и на территории Турции, ибо ее военная разведка, стоит ей узнать о самом факте проведения подобных переговоров, тут же примется шантажировать всех подряд, угрожая разгласить этот факт перед Германией и Великобританией. Это вам не Швейцария или Швеция, которые вовсе делают вид, что не замечают шпионских и дипломатических страстей, творящихся на их нейтральной территории и требующих только соблюдения внешних правил приличия. Поэтому первый контакт произошел как раз в Швеции, когда доверенный человек болгарского царя передал советскому послу в Швеции Александре Коллонтай личное письмо царя Бориса к товарищу Сталину. Попутно Александре Михайловне напомнили, что госпожа Коллонтай и Болгария совсем не чужды друг другу, ведь ее отец Михаил Домонтович был первым Тырновским

губернатором, назначенным сразу после освобождения Болгарии от турецкого ига.

Некоторое время послание болгарского монарха пролежало в посольстве, ибо связь с Москвой была затруднена. Потом, когда после разгрома Финляндии с Москвой наладилось регулярное авиасообщение, письмо все-таки ушло к адресату, но не вызвало у советского вождя особого интереса. Товарищ Сталин – человек недоверчивый и подозрительный, а это послание выглядело как один из тех сюрпризов, на которые у него была аллергия. Впрочем, он не забыл упомянуть об этом факте перед союзниками по второй антигитлеровской коалиции (СССР плюс РФ). В результате в Москве две тысячи восемнадцатого года посовещались и решили взять переговоры с Болгарией тысяча девятьсот сорок второго года на себя. Письмо с предложением прямых переговоров с представителем России двадцать первого века доставил во дворец мальчишка-курьер. По его словам, плотно запечатанный конверт с типографской надписью «Борису, царю Болгарскому лично в руки», ему отдал интеллигентный господин неопределенного возраста и неброской наружности – короче, идеальный шпион, которого второй раз увидишь – не узнаешь. В конце написанного по-немецки письма – несколько неожиданного, но обнадежившего царя своим содержанием – имелась приписка о том, куда положить ответ, а также каковы будут последствия, если человек, пришедший забирать послание, попадет в засаду.

И вот теперь царь Борис думал, отправлять ему ответ или лучше не стоит. Ведь он рассчитывал на переговоры с представителями господина Сталина, а отнюдь не с посланцем России двадцать первого века. Репутация у этих людей, по мнению немецких знакомых болгарского монарха, была жутковатая. Младенцев они не едят – чего нет, того нет; но вот немецких солдат истребляют десятками тысяч. В таких условиях цена нарушения секретности и провала переговоров возрастает неимоверно. Принимая у себя высокопоставленного гостя из России будущего (а никто иной не будет иметь полномочий по ведению переговоров) царь Борис буквально должен поставить в залог свою голову. Но и выиграть в случае успеха удастся все то, ради чего он и пошел на союз с Гитлером. Если ему больше не нужно будет выбирать между Македонией и войной на правильной стороне, то он готов на все.

Дополнительно болгарского монарха настораживало вот что: по словам мальчишки-курьера, господин, передавший ему письмо, разговаривал по-болгарски с чуть заметным немецким акцентом. Вот и понимай, что бы это

значило… То ли это хитрый ход русских из будущего, позволяющий их человеку затеряться среди немцев, то ли неуклюжая провокация абвера. Впрочем, для немцев акцент у агента – это слишком грубая работа. Борису рассказывали, что в их разведшколах доходит до того, что курсантов за ошибки в произношении наказывают электрошоком и продолжают занятия, пока выговор не становится безупречным. Значит, агент все-таки русский. В Софии сейчас множество немцев – и не только из люфтваффе, кригсмарине, вермахта и прочих, но имеются также разного рода гражданские: деловые люди и инженеры. Нельзя сказать, что на них можно натолкнуться на каждом шагу, но в то же время нет ничего удивительного в людях, говорящих с немецким акцентом.

Приняв окончательное решение, болгарский царь собственноручно написал несколько строк, потом запечатал письмо своей личной печатью, уложил в неброский конверт и, вызвав к себе доверенного слугу, объяснил, куда отнести это послание.

12 марта 1942 года, 09:45, Аэродром ЛИИ ВВС в Кратово.

Генерал-майор авиации Александр Евгеньевич Голованов[7 - Александр Голованов – фанат дальних стратегических бомбардировщиков, огромных, мощных и прекрасных, но он не в курсе, какое впечатление на солдат третьей панцергруппы, перебрасываемой по рокадным дорогам на выручку окруженной второй армии, произвели налеты тех самых «легких» штурмовиков Су-25. До того дня только у люфтваффе получалось срывать перегруппировку вражеских войск в прифронтовой полосе, так что бомбоштурмовые удары самолетов ВКС стали для немцев настоящим шоком.]

Нельзя сказать, что это будет мой первый полет на турбовинтовом бомбардировщике из будущего. Мне уже доводилось поднимать в воздух почти такую же машину, но только переделанную для перевозки особо важных персон. Тот самолет был заказан на случай если товарищу Сталину вдруг потребуется посетить Британию тли даже Соединенные Штаты, не тратя лишнего времени на полное опасностей и невзгод морское путешествие через Северную Атлантику. Вон, лорд Китченер, кровавый палач бурского народа, в шестнадцатом году при морском переходе из Британии в Архангельск утоп вместе с крейсером «Хэмпшир» и всем его экипажем, только пузыри по воде пошли. Нет, четырехмоторный самолет из будущего гораздо надежнее, особенно в свете того, что межремонтный ресурс его моторов составляет целых пять тысяч часов.

На таком ресурсе с его скоростью восемьсот километров в час можно сто раз облететь всю планету по экватору. На наших-то двигателях моторесурс колеблется от двадцати пяти до ста часов в лучшем случае. При этом без бомбовой нагрузки этот самолет способен продолжать горизонтальный полет на двух двигателях, даже если они расположены на одном крыле[8 - Чтобы в таком случае самолет летел прямо, разворачивающий момент от ассиметричной тяги парируют рулем направления, который создает дополнительное лобовое сопротивление.]. И хоть сам товарищ Сталин пока на этом самолете никуда не собирается, без дела тот не простаивает и по возможности поднимает авторитет Советского Союза. Мне уже рассказывали, как был впечатлен американский вице президент Уоллес и сопровождавшая его жена Рузвельта, когда их с ветерком, всего за десять часов, доставили из Москвы в Вашингтон.

И вот сегодня в Кратово из Красновичей перегнали вдобавок к тому членовозу еще четыре почти таких же аппарата. Один в комплектации для дальней разведки и целеуказания, а также три бомбардировщика, каждый по двадцать тонн бомб грузоподъемностью. При этом хочешь – подвешивая четыре пятитонки, от которых любое бетонное укрепление разлетается в труху, а хочешь – устанавливай кассеты для стокилограммовой мелочи и раскатывай бомбовый ковер над марширующими к фронту вражескими дивизиями или узловыми железнодорожными станциями. Какая жалость, что по-настоящему база потомков в Красновичах стала функционировать только после завершения Смоленского сражения, когда Гитлер с размаху бросал в самое пекло свежие дивизии – так, как кочегар швыряет в топку уголь. Вот тогда бомбовые ковры, раскатанные единичными самолетами над коммуникациями противника, могли бы существенно сократить сроки разгрома вражеских войск. Но счастье, как говорится, не бывает полным. Чего не было, того не было. Из-за неготовности аэродрома потомкам пришлось ограничиться ударными вертолетами и легкими штурмовиками, а колошматить свежие вражеские дивизии приходилось танкистам и мотострелкам экспедиционных сил и красноармейцам наших стрелковых дивизий.

Теперь немцам уже ни за что не собрать в одном месте такой мощи – Смоленск стал поворотной точкой переломом войны. Там, на широких русских полях, полегли вражеские отборные полки, получившие боевой опыт еще во время сражений в Польше и во Франции. Но враг хоть тяжело ранен, но еще не добит, а потому эта эскадрилья из четырех самолетов, по боевой мощи равная целой дивизии авиации дальнего действия, ни одного лишнего дня не будет простаивать на аэродромах. Потеряв Плоешти, Гитлер все силы бросил на строительство комбинатов синтетического горючего. Что же, теперь у нас есть

возможность разрушать эти заводы по мере их постройки и испортить ему такой хороший план. Подумать только, что может наделать ковер из двух сотен стокилограммовых бомб на территории завода синтетического горючего, где тесно от емкостей с синтетическим бензином и сжиженным[9 - Газобаллонные автомобили на пропан-бутане изобрели как раз в Германии вол время второй мировой войны, потому что смесь этих газов являлась побочным продуктом при синтезе искусственного бензина.] газом… Авиация российских экспедиционных сил уже разрушила один из таких заводов, построенный в Лейне. Бумкнуло, говорят, неслабо; а потом руины и даже сама земля, буквально насквозь пропитанные угольной пылью и синтетическими нефтепродуктами, горели еще неделю.

Правда, применяли потомки не ковровое бомбометание, а точечные удары управляемыми крупнокалиберными бомбами, но результат от этого не менялся. Все в труху. В последнее время потомки все чаще используют фрицев в качестве подопытных кроликов и вместе с боеприпасами с мобскладов, у которых истекают сроки хранения, вываливают на их головы что-нибудь совсем новенькое, даже еще не стоящее у них на вооружении. Кто бы им там позволил стрелять еще не принятой на вооружение противокорабельной ракетой «Циркон» по реальному кораблю, к примеру, американского флота? А тут, пожалуйста, как на заказ – карманный линкор «Адмирал Шеер» и тяжелый крейсер «Принц Ойген» вышли из Киля и направились в Норвегию, на поддержку немецких войск, наступавших на Мурманск.

Но дальше Северного моря эта сладкая парочка не ушла. Крылатая ракета, запущенная над западной частью Балтийского моря с борта сверхзвукового бомбардировщика Ту-22М3, за четыре минуты пролетела семьсот километров и безошибочно поразила «Адмирал Шеер» в отвесном пикировании. В течение следующих четырех минут злосчастный карманный линкор разломился пополам и стремительно затонул. Вроде бы даже на нем никто и ничего не успел понять и даже испугаться. Зато успели испугаться на тяжелом крейсере «Принц Ойген». Правда, боялись там недолго, всего минуту с небольшим, пока и этот немецкий корабль не поразила ракета потомков. «Принцу Ойгену» повезло даже меньше, чем «Адмиралу Шееру», потому что к взрыву боеголовки ракеты добавился подрыв погребов. Из трех тысяч человек экипажей обоих кораблей сопровождающие отряд эсминцы смогли выловить живыми не более сотни. По этому поводу в Германии объявили траур, а у нас Москва салютовала орудийным салютом. Тоже победа, пусть и не такая большая как взятие Хельсинки. И напоминание хитровыделанным британским мореплавателям, что если что-нибудь пойдет не так, на них тоже найдется большая дубина с замысловатой

резьбой. А то вдруг удары, которые потомки наносили по другим объектам, включая Плоешти, покажутся британцам неубедительными.

И вот теперь такие же удары по глубоким вражеским тылам сможет наносить еще и авиация дальнего действия[10 - В нашей истории авиация дальнего действия была выделена из состава ВВС РККА только в мае 1942 года, но в этой реальности такое решение было принято почти сразу после завершения Смоленского сражения.] Красной Армии. И темп их будет только нарастать по мере того как к нам из будущего продолжат поступать новые ударные эскадрильи того же состава. Планируется, что в течение следующих двух-трех месяцев к нам поступит в общей сложности двадцать четыре таких самолета: шесть разведчиков-целеуказателей и восемнадцать бомбардировщиков. Вроде бы немного, но по бомбовой нагрузке эти восемнадцать ударных самолетов равны четыремстам бомбардировщикам Ил-4 или же сотне Пе-8, не говоря уже об их полной неуязвимости к атакам вражеских истребителей, точности наносимых бомбовых ударов и огромном радиусе действия, прямо с базы в Кратово захватывающем всю Европу, включая Британские острова. До момента поступления этих машин у нас в дивизиях АДД на вооружении как раз и состояло четыреста самолетов Ил-4, устаревших, тихоходных и не адекватных решаемым задачам, а также три десятка самолетов Пе-8. Так что техника, переданная нам из двадцать первого века, удваивает, утраивает и можно даже сказать, удесятеряет наши возможности наносить удары по глубоким вражеским тылам. Теперь в Европе нет такого уголка, куда бы не могли бы долететь наши самолеты, чтобы разбомбить то, что должно быть разбомблено или сбросить на парашютах груз партизанам-антифашистам.

Такая возможность у нас теперь тоже имеется и, быть может, эта задача даже более важна, чем бомбежка военных и промышленных объектов. С разрушением вражеских заводов прекрасно справляются и самолеты авиагруппы потомков, а вот помогать товарищам по борьбе – это уже наше дело. В конце концов, как я понимаю, потомки воюют против Гитлера, а мы – за счастливое будущее всех народов нашего мира. Поэтому, когда это очень надо, стандартные парашютные мешки подвешиваются в бомбоотсеках вместо бомб калибром сто, двести пятьдесят или пятьсот килограмм. В результате получается полная загрузка в семь-восемь тонн разных вещей, нужных в нелегкой партизанской жизни.

И первый наш боевой вылет будет в Югославию к партизанам первой пролетарской бригады, которая после тяжелейших боев с немецкими карателями и их пособниками отошла в окрестности города Фоча. Раньше мы

ничем не могли помочь в их героической борьбе, но теперь все изменилось. Вы сражаетесь с немецкими фашистами и их пособниками? Тогда мы идем вам на помощь, где бы вы ни находились: в Югославии, Греции, Албании, Италии, Франции или даже Испании. С удивлением я узнал, что в горах Страны Басков еще действуют антифранкистские партизанские отряды. Франко помог Гитлеру послав к нему на помощь дивизию самых отъявленных обормотов, а мы пошлем сражающимся с ним партизанам оружие, боеприпасы, взрывчатку и медикаменты.

Но главное не в самих новых огромных самолетах, поступивших к нам из двадцать первого века (хотя они тоже важны), а в том, что вместе с ними СССР получает высокоточные станки, образцы изделий и всю необходимую техническую документацию для того, чтобы самостоятельно серийно производить реактивные и турбовинтовые самолеты поколения пятидесятых годов. Правда, как сказал товарищ Шахурин (нарком авиационной промышленности), кое-какое особо громоздкое и негабаритное оборудование придется производить на своих заводах или приобретать в Америке и везти в СССР на пароходах через Северную Атлантику и Баренцево море. А дело в том, что не все грузы имеет смысл протаскивать через Врата, грузопоток через которые рассчитан буквально с точностью до килограмма на пару месяцев вперед. Если что-то можно приобрести в нашем мире – это надо приобретать здесь. И Рузвельт, который еще совсем недавно ерепенился (это он нам продаст, а это нет), теперь вдруг сделался смирным и покладистым. Японцы громят его вояк на Тихом океане, и он согласен на все, лишь бы мы открыли в Манчжурии второй фронт и позволили американским самолетам использовать наши аэродромы для бомбежек Японии.

13 марта 1942 года. 00:35. Болгария. Варна. Загородный царский дворец Евксиноград.

Получив подтверждение того, что назначенная встреча «состоится в любую погоду», царь Борис сказался больным неизлечимой усталостью и хандрой, после чего, свалив дела на премьер-министра Богдана Филова и военного министра генерала Николу Михова, выехал в Варну «на отдых». Там, на берегу моря, у болгарского монарха имелся загородный дворец Евксиноград. Обычно он использовался для летнего отдыха, чему способствовало сочетание дворца, ботанического сада, виноградников (и винных подвалов), нескольких причалов для яхт и катеров, небольшого уютного пляжа и бассейна с пресной водой, а

также большого количества теплого моря и солнца. Зимой или, как в данном случае, ранней весной, с солнцем наблюдались некоторые проблемы, море было холодным и мало-мало штормовым, ведь зимний сезон стабильной непогоды заканчивается в первой половине апреля; ботанический сад и виноградники стояли голые. Зато в это время года на черноморском побережье много морского воздуха, пропитанного запахами соли и йода, а также почти отсутствует праздношатающаяся публика и создаваемая ею суета. Так что условия для излечения нервов в загородном дворце болгарского царя имелись в полном объеме.

В результате этого отъезда все вздохнули с облегчением: сам Борис – потому что наконец поверил, что ему удастся провести страну между Сциллой и Харибдой, а сладкая парочка из премьера и военного министра – потому, что слишком много понимающей о себе монарх им только мешал. Оба этих деятеля были ярыми нацистами, антикоммунистами и сторонниками расовой теории[11 - Нам, авторам, крайне сложно понять, где эти деятели нашли у болгар арийские корни? Наверное, так же, как хорватские усташи, притянули за уши по принципу: «нашему забору двоюродный плетень». Когда-то предки нынешних болгар обитали на причерноморских равнинах по соседству с крымским готами и ариями-алананами. Родство – седьмая вода на киселе, и ведь туда же…] небезызвестного Альфреда Розенберга. Их усилиями в марте сорок первого года через присоединение к Берлинскому пакту Болгария была втянута в число союзников гитлеровской Германии. Правда, выбор тогда стоял не между союзом с Гитлером и отказом от него, а между присоединением к Державам Оси и германской оккупацией. Территория Болгарии была нужна немцам для нападения на Грецию, и немецкие войска уже начали концентрироваться на румынско-болгарской границе.

Царь Борис был в нерешительности и как один из вариантов действия рассматривал даже добровольную абдикцию (отречение) с последующим обращением к СССР за военной помощью, но тандем из премьера и военного министра сумел уломать болгарского царя. Пока Богдан Филов уговаривал строптивого монарха не делать резких движений, Никола Михов, сказавшись больным, поехал в Германию «на лечение». В ходе этой поездки он встретился сначала с Риббентропом, а потом и с Гитлером, и обо всем договорился, поставив царя Бориса перед фактом. В нашем прошлом двадцать пятого ноября сорок первого года усилиями все тех же деятелей Болгария присоединилась еще и к Антикоминтерновскому пакту, но в этой реальности такого не произошло. Даже два этих отмороженных антикоммуниста не стали углублять союз с гитлеровским государством, военное поражение которого после завершения

Смоленского сражения выглядело лишь вопросом времени. Но все равно этих двоих по итогам их деятельности не ждало ничего, кроме расстрельной стенки (если они попадут в руки спецслужб СССР), или пожизненного заключения (если судить их будет самый справедливый российский суд).

Но как бы то ни было, а болгарский царь прибыл в Евксиноград вечером двенадцатого марта за несколько часов до начала исторической (а быть может, роковой) встречи.

Все было спокойно. Ни отделение абвера, располагавшееся в Варне в трех километрах от дворца, ни болгарская жандармерия (находящаяся под прямым патронажем гестапо) ничего не подозревали. А быть может, дело в том, что в жандармерии тоже служат болгары, которые по долгу службы не любят коммунистов, но в то же время не станут шпионить за собственным монархом. Личная охрана – опять же из людей, лично преданных царю Борису; им вовсе все равно, с кем он собрался встретиться в своей резиденции на берегу моря: с Гитлером, Черчиллем, Сталиным или с самим Сатаной.

И вот безлунная полночь. Небо затянуто низкими облаками, порывистый ветер швыряет в лицо горсти мелких морских брызг. Сейчас новолуние, из-за чего на морском берегу темно как в подвале, и хозяин дворца, выходя по садовой аллее на берег, вынужден светить себе под ноги электрическим фонарем. На нем охотничий костюм, высокие сапоги, теплая куртка, шапка с пером, но руки его пусты. Не встречают гостей с ружьем наперевес, да и лишнее здесь это. За спиной Бориса – светящиеся теплым желто-розовым окна дворца, полускрытые безлистными ветвями деревьев, впереди – непроглядная чернота моря. Свет из окон дворца, как путеводный маяк, должно быть, виден издалека. На всем остальном побережье – сплошная темнота. Болгария – воюющая страна и в ней действуют правила светомаскировки; да и спят все давно… и только царю никто не указ.

И вот где-то далеко в море, где черная вода встречается с таким же черным небом, свозь свист ветра и шум разбивающихся о берег волн послышался отдаленный, стремительно нарастающий воющий звук. То, что там, в ночи, мчится к берегу, по издаваемому звуку не похоже ни на корабль, ни на самолет, ни даже на торпедный катер с авиационными моторами. Стоя на смотровой площадке над пирсом, приподнятой над уровнем моря на высоту двухэтажного дома, царь Борис напряженно вглядывался в темноту, испытывая жуткое желание убежать отсюда куда подальше и не испытывать судьбу. Вой нарастал,

и в то же время менял свой тон – словно то, что двигалось к берегу, сбрасывало скорость. И когда звук оказался уже совсем рядом, вдруг вспыхнули габаритные огни, осветив нечто громоздкое, несуразное и угловатое. Рубка как у корабля, три огромных пропеллера, как у самолета, корпус скорее плоский, чем обтекаемый, палуба его даже несколько выше обзорной площадки, а там, где у нормального корабля проходит ватерлиния – некое подобие огромной резиновой подушки.

Впрочем, болгарский царь так и не успел понять, на что же похоже это чудовище, как оно, прошуршав своей подушкой по песку пляжа, остановилось, наполовину выйдя на берег, после чего, отключив моторы, с тяжелым вздохом слегка осело вниз. Дальше начинался довольно крутой каменистый берег, и кораблю из будущего, даже если он может ходить посуху как по воде, дороги вперед не было. О винтокрылых аппаратах (хубшрауберах), терроризировавших германскую армию в начальной фазе Смоленского сражения, царь Борис уже слышал, а вот описание такого аппарата ему еще не попадались. Тем временем в носу этого земноводного корабля откинулась десантная аппарель – и из слабо освещенного внутреннего трюма на берег цепочкой побежали темные фигуры, в которых даже распоследний дилетант сразу же узнал бы до зубов вооруженных солдат. А болгарский царь дилетантом не был.

«Неужели все так просто? – подумал он, – меня, неосторожно сунувшего голову прямо в пасть тигра, схватят и немедленно отвезут в Москву….»

Но никто хватить его стал. Последним из трюма показался человек, в котором невооруженным глазом за версту узнавалось большое начальство. Несомненно, это прибыл партнер по переговорам, а все прочие – это его личная охрана. Оглядевшись по сторонам, этот человек, в сопровождении небольшой кучки приближенных, двинулся в сторону царя Бориса, и тот тоже не счел дурным пойти ему навстречу. Встретились они у подножия лестницы, ведущей на смотровую площадку. На правах хозяина болгарский монарх первым приветствовал гостя.

– Я очень рад, – по-немецки сказал он, пожимая руку пришельцу из будущего, – что вы приняли мое приглашение провести эти переговоры на болгарской территории.

– Мы тоже рады, ваше величество, – на том же языке с легким шведским акцентом ответил визитер, – что вы ищете способ закончить эту войну без того,

чтобы русские убивали болгар, а болгары русских. Разрешите представиться – Сергей Борисович Иванов, помощник президента Российской Федерации и полномочный посол в Советском союзе и вообще в этом мире. Должен сказать, что нас ужасно огорчает, что два наших народа, связанных прямым родством, одной верой и общими страницами славной истории, на протяжении последних тридцати лет почти непрерывно находились во враждебных лагерях.

– Я думаю, – сказал болгарский царь, – что такова была сила вещей, ибо наши враги, сербы и греки, все это время числились вашими союзниками. Мой отец, конечно, тоже наделал глупостей, но будь он даже ангелом во плоти, ему бы не удалось отменить того факта, что эти наши соседи разделили между собой земли, заселенные нашим народом. При этом сербы пытаются лишить болгар имени, а греки – родины. Вступая в союз с Германией, мы лишь пытались добиться справедливости, ведь в противоположном лагере наш голос просто не желали слушать… Впрочем, господин Иванов, думаю, я поступлю невежливо, если продолжу беседовать с вами тут на пляже под открытым небом. В моем рабочем кабинете нам будет не в пример удобнее…

– Не имею ничего против, – ответил Сергей Иванов, – мы надеемся, что в ходе переговоров нам удастся найти решение всех взаимных проблем.

– Я тоже на это надеюсь, – ответил царь Борис, – но, скажите, что это за люди высадились на берег и сейчас окружают мой дворец?

– Это бойцы нашей морской пехоты, которые обеспечивают безопасность нашей встречи, – ответил посланец российского президента. – Если нашему разговору никто и ничто не помешает, то эти солдаты уйдут отсюда так же тихо, как и пришли, не тронув ни одной травинки. Это я вам обещаю.

Полчаса спустя. Там же, Евксиноград, рабочий кабинет царя Бориса.

У себя в кабинете, ярко освещенном светом электрических ламп, царь Борис еще раз внимательно осмотрел своего гостя. Ну что – Мефистофель как Мефистофель: гладко выбритый, подтянутый и сухощавый, и, если бы не вечная саркастическая усмешка на губах, больше похожий на типичного немца, чем на русского. Гость тоже посмотрел хозяина, сравнивая сухую историческую информацию с впечатлением от живого человека. На первый взгляд болгарский

монарх выглядел достаточно вменяемым для того, чтобы принять запутанные реалии этого мира такими, какие они есть на самом деле.

– Для начала, – сказал визитер из будущего, – вне зависимости от исхода наших дальнейших переговоров должен предупредить вас, что, по данным НАШЕЙ разведки, в настоящее время британскими агентами влияния и официальными дипломатами в Турции ведется деятельность, которая, по замыслу Уинстона Черчилля, должна спровоцировать нападение Турции на Болгарию и оккупированные греческие территории. А это почти миллион прекрасно вышколенных солдат и офицеров. Против нашей, да и немецкой, армий турки – это не более чем смазка для гусениц, но вот Болгарию они проглотят за один укус…

Болгарский царь предполагал, что разговор начнется с требований и ультиматумов, от которых ему придется отбиваться, поэтому не ожидал такого предупреждения, в которое, однако, он поверил сразу и безоговорочно. Имелась у пришельцев из будущего такая репутация, что ко всем их словам требовалось относиться предельно серьезно. Турция была старым врагом Болгарии, и, хоть в прошлой войне эти страны были союзниками, ничем хорошим для них это не кончилось. Получив такой удар, некоторое время Борис Третий растерянно смотрел на своего гостя, потом, собравшись с духом, спросил:

– Но зачем англичанам нужно, чтобы Турция напала на Болгарию? И вообще – как это возможно, ведь турецкое правительство придерживается прогерманской ориентации?

– Турецкое правительство и президент Иненю лично, – с улыбочкой парировал господин Иванов, – придерживаются ориентации флюгера, с легкостью разворачиваясь в ту сторону, откуда дует самый сильный ветер. Наивные дети природы даже и не догадываются, что британцы, оказавшиеся на периферии последних событий, стремятся перевести войну двух коалиций в схватку без порядка и правил, где каждый будет только сам за себя. Они бы и сами поучаствовали в этой операции, но, во-первых, этого у них фатально не хватает резервов, поскольку все наличные ресурсы уходят в Бирманскую мясорубку; во-вторых – в Лондоне прекрасно знают о прорусских и просоветских настроениях вашего народа. Поэтому британское правительство и прочие причастные лица хотят остаться чистенькими, не запачканными в той кровавой бане, которую тут непременно учинят турки.

– И это в то время, – с горечью произнес болгарский царь, – когда большая часть наших сил сосредоточена в Западной Болгарии и Фракии, а Константинопольское направление прикрыто совершенно недостаточно. К тому же хочу спросить: когда турки нападут на Болгарию, что в это время будете делать вы, русские?

– А это, – сказал исполняющий обязанности Мефистофеля, – завит от того, кем для нас будет к тому моменту Болгария: невоюющим с нами союзником нашего злейшего врага или же ее статус значительно улучшится – быть может, даже до союзного. Кроме того, насколько мы понимаем, у вас есть пожелание сменить сторону в конфликте, но при этом сохранить те территории, которые вы получили в союзе с Германией. Но так не бывает…

– Это наши земли, – сказал болгарский царь, – отнятые у нас соседями незаконно и бесцеремонно. Вступив в союз с Германией, мы не взяли себе ни пяди чужой земли, ограничившись только своими незаконно отторгнутыми территориями. И население на этих землях воспринимает болгарскую армию как свою освободительницу…

– Ой ли? – сказал господин Иванов. – Вы думаете, мы не знаем о жестоко подавленном восстании в Драме, а также о том, что в придачу к другим землям вы хотели забрать себе еще и Салоники с окрестностями, но отказались от этого намерения, устрашившись всеобщего восстания местного населения?

– На тех землях Болгарии которые тридцать лет назад вошли в состав Греции, коренное болгарское население было изгнано или истреблено, а их место заняли греки понаехавшие из Турции и других мест… – ответил царь Борис. – Отсюда и сопротивление болгарской армии, которая всего лишь забрала то, что по праву принадлежит нашей стране.

– И что, теперь надо вычищать из этих земель греков и снова заселять болгар? – спросил господин Иванов. – Снова, сначала начинать этнические чистки, только в прямо противоположном направлении, гнать людей из домов, которые они уже считают своими, или заставлять их забыть свой язык и своим обычаи. Чем вы тогда будете лучше турок, а мы, позволившие вам такое, лучше англичан, которые считают, что ради соблюдения их вечных интересов возможна любая мерзость и подлость?

– Так, значит, вы не поддержите возвращение в состав Болгарии территорий незаконно отторгнутых от нее Грецией и другими странами? – с разочарованием спросил Борис.

Господин Иванов пожал плечами и ответил:

– Те территории, население на которых настроено антиболгарски, в состав Болгарии лучше не включать. Последствия могут быть непредсказуемыми. И неважно, что большая часть нынешнего населения появилась на этих землях всего лишь двадцать или тридцать лет назад. Болгария должна получить за те события определенную компенсацию, после чего закрыть территориальный вопрос раз и навсегда. Кстати, должен напомнить, что до тех самых обменов населения, на которые вы мне здесь пеняли, прибрежная полоса Черного моря была заселена как раз греческим, а не болгарским населением.

– Для нас, болгар, – сказал царь Борис, – выход к Эгейскому морю стратегически важен, ибо если наша торговля направляется исключительно через Босфор и Дарданеллы, то она может быть в любой момент перекрыта враждебной нам Турцией.

– Ну что ж, тогда решайте сами, что вам дороже, – пожал плечами господин Иванов, – выход к Эгейскому морю или наша помощь вкупе с признаниями вашими территорий, на которых и в самом деле в основном проживает поддерживающее вас болгарское население. Другого варианта в данном случае быть не может: только вернув Греции земли, на которых уже не живут болгары, вы можете рассчитывать выпутаться из этой неприятной истории с минимальными потерями. Иначе – барахтайтесь сами, потому что, кроме вас, нам потребуется разговаривать еще с лидерами греческого и югославского сопротивления, и я представляю, сколько при этом будет криков и брызганья слюной. Балканы – это еще та банка с пауками.

– Да, – эхом отозвался царь Борис, – Балканы – это действительно банка с пауками. Но только до тех пор, пока сюда не придете вы, русские. Вас будут слушаться все: и греки, и сербы, и болгары, и даже отчасти румыны. Мы согласны принять ваше главенство и выслушать справедливый приговор. Возможно, если бы мой отец не пошел на поводу у венского двора и согласился на Петербургский арбитраж, то сейчас мы бы жили совсем в другом мире. Единственное, чего мы не хотим – это большевизации Болгарии, и дело даже не в том, что я держусь за трон, совершенно нет. Год назад, когда встал вопрос о

присоединении к Берлинскому пакту, я лично был готов абдиктировать[12 - Отречься от престола.], после чего обратиться за помощью к Советской России, но меня уговорили этого не делать. Большевизм разрушит основы существования нашего государства, внесет хаос в культурную и общественную жизнь…

– Выбор невелик, – снова пожал плечами господин Иванов, – либо фашизм, который ваше государство практикует сейчас с правом на все для избранных и бесправием для всех остальных, либо коммунизм, гарантирующий людям равные возможности вне зависимости от их национальности, пола, вероисповедания и других культурных особенностей. Одно из двух, потому что свято место пусто не бывает. Мы понимаем, что у коммунистов в головах тоже бывают перегибы от детской болезни левизны и обещаем поспособствовать тому, чтобы эксцессы переходного периода были сведены к минимуму. Но при этом нам будет гораздо легче отстаивать вопрос сохранения за вами, к примеру, македонских территорий. Ведь там доходит до того, что между собой воюют одинаково антифашистские и коммунистические отряды сопротивления, при том, что одни подчиняются югославскому руководству, а другие – болгарской коммунистической партии.

– Так, значит, Болгария должна будет стать еще одной советской республикой. А мы-то уж надеялись… – с горечью произнес Борис Третий.

– Надеялись на что? – спросил посланец русских из будущего, – на то, что мы возьмем вас под свое крыло?

– Что-то вроде того, – кивнул болгарский царь, – ведь у вас, насколько мне известно, строй отнюдь не коммунистический, и вы могли бы помочь нам пройти сложности переходного периода, не впадая при этом в марксистские крайности…

– А зачем нам это надо, – с ленцой спросил Бориса его собеседник, – это не наш мир, но если бы вы могли посмотреть на Болгарию двадцать первого века, то вас бы просто стошнило. Не буду вдаваться в подробности, просто скажу, что сейчас вопрос заключается не в том, перейдете вы на сторону Советского Союза или нет, а в том с какими потерями и на каких условиях вам удастся это сделать. Присоединение к Советскому Союзу на правах еще одной союзной республики было бы полезно для того, чтобы товарищ Сталин из Москвы мог удерживать местное партийное руководство от разных эксцессов исполнителя. А то очень

многие на периферии стремятся быть святее самого Папы Римского, а мерило святости видят в количестве расстрелянных буржуазных элементов. Не могу ничего обещать, но при особо удачном стечении обстоятельств возможен такой вариант, что в Болгарии при наличии советской системы управления сохранится конституционный вариант монархии…

– Я же уже говорил вам, господин Иванов, – сказал болгарский царь Борис, – что совершенно не держусь за свой трон. Если так будет надо для блага моего народа, то я отрекусь немедленно. Впрочем, я еще подумаю над сказанными вами словами и, как только приду к какому-нибудь определенному решению, сразу же сообщу вам об этом…

– Вот, – сказал посланец русских из будущего, поставив на стол небольшой чемоданчик, который он принес в кабинет вместе с собой, – это устройство для связи, прослушать которое при данном уровне местной науки практически невозможно. Заряжается от любой электросети, зарядное устройство само настраивается на параметры электропитания. Дальности действия коротковолнового передатчика хватит для того, чтобы связаться через половину мира, причем удобство этого аппарата таково, что работать за ним может и не подготовленный человек. Разбирать аппарат не рекомендуется, поскольку при этом непременно сработает система самоуничтожения. Одни словом, как придете к определенному мнению, сразу звоните. Только постарайтесь сделать это не слишком поздно, а то нам будет затруднительно выручать вас в тот момент, когда турецкие солдаты будут уже стоять на пороге Софии.

Потом, уже проводив ночного гостя обратно до берега моря и пронаблюдав, как вслед за ним грузятся на борт странного корабля русские солдаты, царь Борис подумал, что, хоть он и не подписывал еще никаких договоров собственной кровью, вся его дальнейшая жизнь изменилась необратимо. Нельзя повстречать пришельца из будущего, делающего предложения, от которых нельзя отказаться, и остаться при этом прежним человеком. Вот и Болгария тоже больше никогда не будет прежней, и от болгарского царя в ее судьбе почти ничего не зависит.

13 марта 1942 года. 17:45. Болгария. Варна. Загородный царский дворец Евксиноград.

Царь Борис III и его супруга Джованна Савойская (Иоанна Болгарская)

Закончив беседу с посланцем России будущего и проводив его «до трапа», царь Борис вернулся в свой загородный дворец и отбил телеграмму жене о том, что у него все хорошо, чувствует он себя нормально, спит крепко и кушает с аппетитом. Обычная телеграмма мужа оставшейся на хозяйстве жене, отправленная из какого-нибудь санатория. И напрасно шифровальщики абвера и гестапо пытались выловить из текста какой-нибудь потайной смысл. Его там просто не было. Само по себе это ничего не значащее послание служило сигналом: «Приезжай немедленно, дорогая. Надо поговорить без свидетелей». В софийском дворце на площади князя Александра микрофоны, небось, в каждой электророзетке, даже в ватерклозетах; а вот Евксиноград в этом смысле чист. Люди, сопровождавшие господина Иванова, молча и без суеты проверили царский кабинет, а также соседние помещения какими-то приборами, после чего дали добро на разговор своего начальника с болгарским царем. Иначе тем пришлось бы вести беседу прямо в парке под ночным небом.

Супруга болгарского царя все поняла правильно и, объяснив фашистской правящей камарилье, что беспокоится за мужа, вместе с детьми села в первый же поезд до Варны. Точнее, к этому поезду прицепили особый царский вагон. Так что не успело солнце коснуться горизонта, как царская семья воссоединилась. Детей вместе с няньками отправили в их комнаты, а супруги уединились в том самом личном кабинете царя, чтобы переговорить без свидетелей. Туда же подали ужин на две персоны, после чего слуги оставили царскую чету наедине.

Когда закрылась дверь, в кабинете на некоторое время установилась томительная тишина. Первой ее нарушила Джованна Савойская. Окинув мужа внимательным взглядом, она со вздохом спросила:

– Ну что, Борис, рассказывай, во что ты вляпался на этот раз…

– Вляпался, миа кара (моя дорогая (Ит.)) – не то слово, – ответил Борис супруге вздохом на вздох. – Прошлой ночью, как раз в этом кабинете, я имел беседу с высокопоставленным посланцем русских из будущего, господином Ивановым. И, скажу я тебе, выглядел этот посланец как истинный Мефистофель…

– О Пресвятая Дева, – всплеснула руками царица, – и зачем ты это сделал? Об этих русских рассказывают столько всякого разного… Говорят, что они абсолютно бесстрастны и убивают с той же легкостью, что и дышат. Общаясь с такими силами, ты ставишь под угрозу свою бессмертную душу, ведь Папа Римский в своей энциклике объявил Врата дьявольским образованием.

– Ваш добрый Папа, – хмыкнул Борис, – слишком ненавидит евреев и коммунистов и не замечает, что Сатана у него прямо под боком. Поэтому, говоря о Мефистофеле, я имею в виду только внешнее сходство. Очевидно, и Всевышний, и Сатана, сражающиеся за господство над людскими душами, имеют в подчинении подобных существ. Агенту Сатаны главное заполучить подпись кровью жертвы на контракте, и поэтому он сразу начинает обещать земные царства и золотые горы, в то же время Посланца Господа интересует совсем другое…

Джованна Савойская всплеснула руками.

– И что же, Бо’рис, по-твоему, может интересовать русских, кроме власти над миром? – воскликнула она. – Сейчас они только и думают о том, как бы завоевать всю Европу и установить в ней свою коммунистическую власть.

– Тем русским, с которыми я вел переговоры, – ответил болгарский царь, принявшись нервно ходить по кабинету, – в нашем мире не надо вовсе ничего. Да и вообще, ты думала, с чего болгары так любят русских? Сейчас где-нибудь по горным деревням, наверное, еще живы старики, которые помнят, как кончилось турецкое иго, как пришли русские солдаты и прогнали башибузуков. И ведь себе лично на той войне Российская Империя не завоевала ровным счетом ничего. Помнят люди и то, что, когда в их дела вмешалась так любимая нами Европа, территория Болгарии разом уменьшилась втрое. Именно эта память так мешает нашему прогерманскому правительству объявить войну Советской России и послать болгарских солдат на Восточный фронт. И она же может помочь нам с честью выйти из крайне неприятной ситуации, не дожидаясь момента когда Германия будет разгромлена русскими, ибо третьего военного поражения подряд Болгария не переживет. Нам следует признать, что наш мир рушится. Еще немного – и спасать хоть что-то будет поздно.

– Я даже не знаю, что сказать… – растерянно произнесла Джованна Савойская. – Но почему ты, Бо’рис, обратился именно к русским, а не к англичанам или там к американцам?

– Американцам нынче не до нас, – ответил Борис III, – их сейчас японцы лупят в хвост и в гриву. К тому же Америка – это очень далеко. Англичане ближе, но они сейчас бессильны. Господин Иванов предупредил меня, что Черчилль додумался до того, что начал натравливать на нас турок. Мол, нападение на союзника Гитлера – верный путь для присоединения к клубу держав-победителей в этой войне.

– Черчилль – старый плут! – воскликнула женщина, забыв о том, что говорила только что. – В прошлую Великую Войну Италия тоже была членом этого клуба победителей, но при разделе добычи получила сущие объедки.

– А русские, – добавил Борис, – тогда не получили вообще ничего, только потеряли. А ведь их армия вынесла тяжесть той войны на своих плечах. Сколько там была протяженность Итальянского фронта, который с трудом удерживала вся ваша армия – сто пятьдесят километров? Западный фронт во Франции – шестьсот километров. И Восточный фронт против России – почти две тысячи. А в результате русских даже отказались считать победителями. Представляю, как злорадствовал господин Сталин в сороковом году, когда германские гренадеры все-таки протопали по парижским улицам.

– Но, Бо’рис, – воскликнула царица, – у русских же была революция! Сначала они свергли своего царя, а потом у них вообще развился большевизм…

– Джованна, – строго сказал ей супруг, – пожалуйста, не говори мне про русскую революцию. Ее история – весьма мутное дело. Ведь там не обошлось без британцев и французов, которым не хотелось делиться военной добычей с императором Николаем. Эти нации не стесняются обманывать и грабить даже тех, кто состоит с ними в союзе. Так что русским есть за что обижаться на Европу, даже если не считать последнего раза, когда вся она под знаменами Гитлера, вероломно нарушив пакт о ненападении, напала на Советскую Россию. Коварство и обман – это альфа и омега европейской политики, – и поэтому, окажись я на месте господина Сталина, я стал бы действовать так же, а может, и жестче.

– Но ты на своем месте, Бо’рис, – вздохнула Джованна Савойская, – и как болгарский царь несешь ответственность за свою страну и семью. Подумай о том, что будет со всеми нами, что будет с Болгарией, если ты совершишь какую-нибудь непоправимую глупость…

Болгарский царь, указал рукой в том направлении, в котором, по его мнению, находился северо-восток.

– Там, – сказал он, – девять месяцев назад Гитлер решил устроить охоту на большого сильного зверя, но не убил, а только разбудил и разозлил. Сейчас русский медведь зализал раны и готов пойти походом на Европу и поотрывать головы своим обидчикам. Как это будет выглядеть – можно посмотреть на примере Финляндии. Никто не избежит своей участи: ни Румыния, ни Венгрия, ни Югославия с Грецией, ни Болгария. Только одних в новую семью введут под руки как дорогих, но давно потерянных родственников, а других загонят туда пинками, как бывших врагов, подлежащих перевоспитанию. Но стать еще одной советской республикой – это еще не самая худшая участь для Болгарии. Прямо у нас под боком находится старый злобный враг, не забывший ни единой обиды. Я имею в виду Турцию, ныне не связанную союзом ни с одной стороной общеевропейской войны и выбирающую, на чьей стороне ей выступить или, может быть, остаться нейтральной. У русских есть сведения, что британская дипломатия активно склоняет турок к нападению на Болгарию, и те, в общем-то, не против. Как ты думаешь, Джованна, придут немцы спасать Болгарию, когда на нее обрушится миллионная турецкая армия?

– Не думаю, Бо’рис, – покачав головой сказала Джованная Савойская, – что этот самовлюбленный болван Гитлер шевельнет ради тебя хоть пальцем. Королей и аристократию этот выскочка ненавидит лишь чуть меньше, чем большевиков, и будет даже рад, если турки преподадут Болгарии кровавый урок. Ты же не объявил войну русским, когда он того пожелал, – так и он скажет, что не обязан защищать нас от наших врагов.

– Вот и мне сдается, что немцы нам не помогут, – согласился Борис Третий. – И не только потому, что не захотят. Железная дорога в Грецию, находящаяся под нашим контролем, все же имеет для них важность. Да только турки тоже не совсем дураки, и начнут они наступление как раз тогда, когда русские начнут на Восточном фронте – и немцам сразу станет не до Болгарии. А ведь ты знаешь турок. Они придут не просто воевать. Их целью будет устроить грандиозную резню, истребив весь болгарский народ до последнего человека. По-другому решать свои проблемы они не умеют.

– О Пресвятая Дева! – всплеснула руками Джованна Савойская, – какой ужас! Неужели Черчилль знает об этих планах и все равно…

– Черчиллю и в самом деле все равно, – хмыкнул в ответ ее супруг, – единственное, что его заботит – это вечные британские интересы. Одним ударом он выбивает нынешнего союзника у Германии и будущего союзника у России. А в том случае, если слишком быстро опомнившийся от первых поражений Советский Союз вступится за несчастную Болгарию, то получит вдобавок к уже идущей еще одну войну с не самой слабой в военном отношении державой, а также новый фронт на Кавказе, пятьсот километров особо сложного театра военных действий. При этом англичане в Персии будут к русским не дружественны, а враждебны… Хитрая комбинация войны чужими руками, да только есть одно «но»…

– Какое «но», Бо’рис? – встревоженно спросила болгарская царица, – говори уже, не томи!

– Когда я разговаривал с господином Ивановым, – медленно произнес тот, – то мне показалось, что там у них даже хотят, чтобы турки поддались на британские уговоры и дали им повод как следует себя отлупить. Ну, ты понимаешь – Советскому Союзу вовсе не помешают Черноморские Проливы, Западная Армения, а также другие недоделки прошлых русско-турецких войн. При этом турецкая армия была названа «хорошей смазкой для гусениц» – мол, ни русским, ни немцам она не соперник и способна при численном превосходстве воевать только с второстепенными армиями европейского континента вроде болгарской. Вопрос только в цене, которую с нас запросят за помощь…

– И какова «та цена», Бо’рис? – взволнованно спросила Джованна Савойская. – Скажи мне. Ради наших с тобой детей я хочу знать все…

– Я тебя для этого и позвал, миа кара, – успокаивающим тоном ответил болгарский царь. – Сейчас я все объясню. Первое и самое главное условие – мы должны выйти из Берлинского пакта и объявить войну Германии; немецкие военнослужащих на болгарской земле следует объявить военнопленными, а гражданских подданных Рейха – интернированными. Второе условие – необходимо отказаться от тех новоприобретенных территорий, где отсутствует болгарское большинство. И неважно, было ли оно там было двадцать или тридцать лет назад; рассматриваться будет только положение на настоящий момент. В противном случае Болгария либо получит в свой состав территории с нелояльным ей населением, либо будет вынуждена проводить этнические чистки и переселения, а благословлять такое русские власти не хотят категорически. Однако при выполнении этого условия русские поддержат

сохранение в составе Болгарии территорий, где болгарское большинство имеется – то есть тех земель, которые в Югославии называют Вардарской бановиной. И во всех случаях, даже если это касается отдельного спорного села, территориальный вопрос требуется решаться через плебисцит. Третье условие – все сторонников союза с Германией нужно отставить от своих должностей и подвергнуть следствию на предмет финансовых злоупотреблений, нарушений прав собственного народа и военных преступлений на сопредельных территориях. Четвертое условие – Болгария должна подать заявку на вступление в состав Советского Союза. Только так Москва может получить влияние на наших местных коммунистов, которые в революционном раже готовы не только перегнуть палку, но и завязать ее узлом. Абдиктировать нам с тобой при этом не обязательно – господин Иванов сказал, что советская система дополнит и улучшит Тырновскую конституцию[13 - Тырновская конституция (болг. Търновска конституция, официально Конституция Болгарского княжества, болг. Конституция на Българското княжество, принята 16 (28) апреля 1879 года) – первая конституция Болгарии (Княжество Болгария).В разработке конституции принимали участие болгарские эмигранты с западноевропейским юридическим образованием. Принята учредительным Великим Народным собранием в Велико-Тырново. Содержала значительные по тем временам ограничения княжеской власти (правительство было ответственно перед парламентом, депутаты неприкосновенны), допускала избрание князя. Требовала в случае вакансии престола коллективное регентство из трёх человек. Предусматривала разделение властей и официальный статус БПЦ.В 1893 и 1911 годах при князе (с 1908 царе) Фердинанде I в конституцию были внесены поправки, усилившие власть монарха и ограничившие демократию. Действовала до декабря 1947 года, когда была образована Народная Республика Болгария.], а не подменит ее собой. Вот, пожалуй, и все условия, на которые я в сложившихся обстоятельствах склонен согласиться, ведь в случае дальнейшего нашего пребывания на проигравшей стороне будет проделано все то же самое, но гораздо более жесткими методами, и виновниками ненужных людских смертей в таком случае окажемся мы с тобой.

Два часа спустя. Там же, загородный царский дворец Евксиноград, личные покои царицы.

Джованна Савойская (Иоанна Болгарская) (35 лет.)

Уложив детей спать, супруга болгарского царя села писать письмо своему отцу итальянскому королю Виктору-Эммануилу Третьему. Это послание не будет отправлено по почте, его отвезет специальный доверенный курьер. И все равно риск, что его прочтут ненужные глаза, очень велик, поэтому приходится писать иносказательно в надежде, что дорогой Папа все поймет правильно и сумеет принять надлежащие меры. Перо само бежит по шелковистой бумаге, выводя красивые округлые буквы:

«Здравствуй, дорогой отец. Надеюсь, что у вас все хорошо и что вы с матушкой пребываете в добром здравии. У нас пока все благополучно, но в связи с происходящими в мире событиями я нахожусь во власти непрестанного беспокойства, думая о том, чтобы все поскорее устроилось наилучшим образом. В такое смутное время остается уповать только на волю Господа… Мир необратимо меняется, жизнь несет нам неожиданности разного рода, и лишь молитва да душевный разговор с супругом способны несколько унять мою тревогу. И, конечно же, дети…

Отец! Обычно в своих письмах я обращалась к матушке, но на этот раз пишу больше для тебя. В последнее время все чаще я стала задумываться о судьбе Италии. О том, что ждет ее в будущем… Как бы мне хотелось, чтобы Италия процветала и благоденствовала, чтобы ветры невзгод как можно меньше касались ее! Но, увы, мне кажется, что впереди у моей родины – серьезные испытания и большие потрясения. Но, отец! Всегда есть выбор. Таковы уж реалии сегодняшнего дня, что теперь в наш мир ворвалась сила гораздо более великая, чем даже можно себе представить. Встречая вас, эта сила задает только один вопрос: «По-хорошему или по-плохому?» и в зависимости от ответа или идет к вам мягкой поступью, оделяя разными милостями, или же бьет прямо в голову железным кулаком. Ты догадываешься, о чем я пишу. Для этой силы нет никакого противодействия; нет смысла спорить с ней или пытаться ее перехитрить. С ней лучше просто соглашаться, ибо уже понятно, что тот, кто вступит с ней в противоречие или же недооценит ее мощь, наверняка проиграет.

Отец, мне страшно. Мне страшно оттого, что эта сила оказалась на стороне русских коммунистов, безбожников и разрушителей основ. Но я не могу не признать их правоту в том, что все люди достойны счастливой жизни в достатке, а не только избранные из высших классов. Голодный оборванный человек, которому нечем накормить своих детей, становится злым, и это зло падет на головы нас и наших детей. Именно этого я и боюсь. Но вместе с тем это чувство

страха мной контролируется. Тем более что с неизбежным злом нам уже пришлось столкнуться и смириться (и это зло, несомненно, оказалось наименьшим из двух). Гораздо хуже беспокойство. А оно проистекает из того, что я переживаю о милой Италии, у которой все это впереди… Хочу просить тебя, папа – будь благоразумен, и когда к тебе придет человек, похожий на Мефистофеля, будь с ним вежлив и покладист, ибо, несмотря на это сходство, он служит другому, прямо противоположному господину.

Твоя любящая дочь Джованна Савойская. Писано поздно вечером 13 марта 1942 года в загородном дворце Евксиноград.»

14 марта 1942 года, 00:15. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего

Присутствуют:

Верховный главнокомандующий, нарком обороны и генеральный секретарь ЦК ВКП(б) Иосиф Виссарионович Сталин;

Вр. И.Д. начальника генштаба генерал-лейтенант Александр Михайлович Василевский;

Посол РФ в СССР – Сергей Борисович Иванов.

– Так, значит, еще и турки? – переспросил Верховный, выслушав развернутый, но без лишних отступлений от темы, рассказ Сергея Иванова о встрече с болгарским царем.

– Информация, товарищ Сталин, – ответил тот, – поступила к нам, когда встреча была уже согласована и менять что-то было поздно. Но, как видите, это сработало. Если в самом начале разговора Борис Фердинандович еще ерепенился, то, услышав о возможном турецком вторжении, сразу сделался будто шелковый.

– А если вы ошиблись? – спросил вождь, набивая трубку. – Ведь могут же быть эти сведения дезинформацией противника, а на самом деле никакой подготовки к вторжению в Болгарию не ведется…

– На самом деле, товарищ Сталин, – негромко сказал Василевский, – наша разведка обнаружила подготовку к передислокации большого количества турецких войск с Кавказского направления на Европейское. Готовясь напасть на Советский Союз вместе с гитлеровской Германией, турецкий генштаб разместил свою основную группировку в районе Трабзон – Карс – Эрдоган. На европейской части турецкой территории войска в тот момент отсутствовали, ибо Болгарию и Германию предполагалось иметь в союзниках. И теперь готовится передислокация в обратном направлении. Правда, пока сложно сказать, сколько войск будет переброшено во Фракию, а сколько останется под Карсом. Все же турецкие генералы должны учитывать нашу возможную реакцию на атаку Болгарии и не захотят слишком ослаблять рубежи на Кавказе.

– Мы это понимаем, – кивнул Верховный, – неясно только, зачем такая комбинация потребовалась англичанам…

– Дело в том, – сказал Сергей Иванов, – что на сегодняшний день Советский Союз так и не подписал так называемую Атлантическую хартию и, следовательно, не взял на себя никаких связанных с ней ограничений. Получается парадоксальная ситуация, когда фактически каждый бьется сам за себя. Единственные искренние союзники – это Советский Союз и Российская Федерация, которые со стороны выглядят эдаким двуединым и двухголовым орлом, у которого одна голова красная, а вторая трехцветная. Британия и СССР – это не союзники, а, скорее, попутчики. Британия и Соединенные Штаты союзники на Тихом океане против Японии, но в Европе Рузвельт уже сделал ставку на вас и на нас, а не на Черчилля. Даже после победы над нацизмом Великобритания будет не в состоянии перебросить на Тихий океан хоть сколь-нибудь значимые дополнительные контингенты, поэтому Рузвельту Черчилль неинтересен. Америка не воюет с Германией, пока та сама не объявит ей войну, а следовательно, базы в Великобритании американцам не нужны. Союз держав Оси тоже полон противоречий. У каждой страны в нем свой интерес: у Германии, у Италии, у Румынии и у Болгарии; Венгрия же вообще непонятно зачем ввязалась в эту авантюру. И совершенно отдельную войну на Тихом океане ведет Япония. Такой компанией хорошо ходить в грабительские набеги, и то потом требуется внимательно следить, чтобы при разделе добычи вчерашние союзники не перестреляли друг друга из кольтов или маузеров. И теперь Черчилль решил добавить в эту смесь хаоса – Турцию, которая, заключив союз с Великобританией, нападет на Болгарию.

– Товарищ Сталин, – сказал Василевский, – подрезав руками турок коммуникации связывающие Германию с немецкими войсками в Греции и на Крите, англичане рассчитывают с минимальными усилиями вернуть под свой контроль эти территории, а также пресечь продвижение Красной Армии на Балканском направлении…

– А также, – добавил Сергей Иванов, – не исключено, что Черчилль ставит перед собой цель спровоцировать советско-турецкую войну. И неважно, что для Турции такая война будет вообще последней в истории; главное, что продвижение Красной армии в Европу резко замедлится, а следовательно, будут соблюдены и вечные британские интересы. При этом англо-турецкий договор может быть составлен так хитро, что британцы будут освобождены от необходимости вступаться за Турцию в случае ее войны против Советского Союза.

– В таком случае, – сказал Верховный, чиркая спичкой, – Черчилль ведет очень опасную игру. Товарищ Иванов прав, угроза турецкого вторжения заставит Болгарию как можно скорее порвать все отношения с Германией и перейти на сторону Советского Союза. Да и остальные трижды призадумаются, стоит ли им и дальше иметь дело с англичанами. Уж слишком хорошо на Балканах помнят пятьсот лет турецкого ига. Товарищ Василевский, скажите, что мы можем противопоставить плану турецкого нападения на Болгарию – так сказать, немедленно, если оно случится уже завтра, а также в случае если это произойдет в несколько отдаленной перспективе?

– Немедленного нападения можно не опасаться, – ответил Василевский, – по нашим данным, процесс перегруппировки еще в самом начале. Связность между театрами военных действий у Турции не на высоте, так что подготовиться к нападению раньше чем через месяц турецкое командование не сумеет. К тому же, товарищ Иванов правильно заметил, что, скорее всего, вторжение в Болгарию случится через некоторое время после начала нашего большого наступления. Зная о низком качестве своих войск, турецкий главнокомандующий Фавзи Чекмак пожелает убедиться, что у Германии и ее союзников не осталось никаких резервов для противостояния турецким поползновениям…

Сталин внимательно посмотрел на Василевского и, выпустив клуб дыма, спросил:

– А если в Турции заподозрят, что мы знаем об их планах и очень сильно их не одобряем? Что тогда будет делать турецкое командование – отменит свою

операцию или их обязательства перед Британией окажутся важнее риска военного столкновения с Советским Союзом?

– Я, товарищ Сталин, – пожал плечами Василевский, – честно говоря, не знаю, насколько серьезно турецкое командование воспримет угрозу такого неодобрения. Еще совсем недавно мы делали все, чтобы избежать совсем ненужной нам войны с Турцией, и, вероятно, возможное неудовольствие Советского Союза по поводу нападения на Болгарию сочтут не стоящим внимания.

– Скажите, товарищ Василевский, – хмыкнул верховный, – а мы имеем резервы и все необходимое для того, чтобы выразить свое неудовольствие туркам, так сказать, в материальной форме?

– Прикрытие советско-турецкой границы осуществляет Закавказский фронт, – отрапортовал Василевский, – на данный момент это четыре армии, имеющие в своем составе девятнадцать стрелковых и горнострелковых дивизий, или триста тысяч бойцов и командиров. Вполне достаточно, чтобы сдерживать турецкое вторжение на территорию Советского Закавказья, и это почти в полтора раза больше сил, чем имел Кавказский фронт первой мировой войны. Противостоящая нам группировка турецкой армии в Закавказье после проведенной в Турции тотальной мобилизации имеет в своем составе до пятидесяти дивизий и более полумиллиона солдат и офицеров. Дошло до того, что под ружье были призваны аскеры старше шестидесяти и офицеры старше шестидесяти пяти лет. И в то же время должен заметить, что в той, другой истории, Черчилль тоже уговаривал турок вступить в войну против Германии и ее сателлитов, но президент Иненю принимая британские подачки, разрешения на начало войны не давал. Мол, Турция к войне не готова. Так что переброской войск во Фракию все может и ограничиться, особенно если в Анкаре будут знать, что нападение на Болгарию может иметь для Турции очень серьезные последствия…

– А вы что скажете, товарищ Иванов? – спросил Верховный. – Ведь, насколько нам известно, у вас там, в будущем, Турция тоже откалывала разные непредсказуемые коленца…

– Начать надо с того, – сказал Сергей Иванов, – что Иненю – это далеко не Эрдоган. Здешний турецкий президент значительно разумней и осторожней. Прошли те времена, когда Турция была львом, нападающим на равного или даже более сильного противника. Теперь это падальщик, который может

сожрать только то, что уже не способно защищаться. Именно поэтому в 1939-40 годах Турция придерживалась англо-французских позиций, после краха Франции перешла в прогерманский лагерь, а после разгрома немцев под Сталинградом снова стала симпатизировать антигитлеровской коалиции. В нашей истории было только два ключевых момента, когда существовал реальный риск нападения Турции на Советское Закавказье. Первый такой критический момент наступил осенью срок первого года, когда могла пасть Москва, что означало полный военно-политический крах Советского Союза, а второй – это возможный проигрыш Красной Армией Сталинградской битвы, что как минимум отрезало бы от Центральной России все Среднеазиатские и Закавказские республики. Когда Иненю и компания поняли, что это сценарий не осуществится никогда, они тут же поспешили сменить флаг и пристать к противоположному берегу. Тут у вас этот процесс завершился намного быстрее, о падении Москвы даже в самый разгар Смоленского сражения речи еще не шло, а уж слово «Сталинград» вспоминают только в связке с распложенным там тракторным, то есть танковым, заводом.

– Вы думаете, – кивнул Верховный, – что даже несмотря на подавляющее численное превосходство, турки не решатся напасть на Болгарию ровно до тех пор, пока не убедятся в ее полной беззащитности?

Именно так, товарищ Сталин, – согласился с Верховным Сергей Иванов, – Иненю будет вымогать у британского борова деньги и военно-техническое сотрудничество, пока Красная Армия не придет на Балканы и все будет кончено. Потом то же самое продолжится под предлогом противостояния советской угрозе. Впрочем, терпение Черчилля может лопнуть раньше, поэтому войска к болгарской границе Иненю все-таки перебросит, и также не исключены кровавые провокации и пограничные инциденты. Все дело в том, что Советскому союзу выгодно, чтобы Турция все-таки напала на Болгарию, находящуюся под нашей защитой… или лучше, чтобы она воздержалась бы от этого шага?

– Если исходить из обстановки прямо здесь и сейчас, – сказал Сталин, – то лучше, чтобы турки просидели всю войну тихо, как мыши под веником. Если же рассматривать послевоенную ситуацию во всем многообразии ее проявлений, то лучше, если Турция, подобно Финляндии, даст повод к своему военному разгрому и полному уничтожению. Чтобы вражеские ракеты не стояли у наших границ, а корабли недружественных держав не шастали по Черному морю как у себя дома. Есть мнение, что если Турция воздержится от нападения – это несколько сэкономит наши силы сейчас, зато создаст трудноустранимую

уязвимость в послевоенный период. Но и с военной, и с дипломатической точки зрения, все должно быть сделано идеально. Турция должна предстать агрессором и грабителем, болгарский народ – невинной жертвой, а Красная Армия – благородным мстителем за всех униженных и оскобленных. И уж тем более недопустим риск военной неудачи этой операции. Вы, товарищ Василевский, должны рассчитать необходимый наряд сил и средств, а также подумать о том, как встроить эту операцию в общий разгром немецко-фашистских захватчиков на южном фланге советско-германского фронта. Также необходимо подобрать кандидатуры командующих на Закавказский и Болгарский фронты, потому что есть мнение, что товарищ Козлов (командующий Закавказским фронтом) не вполне соответствует занимаемой им должности. Нужно подобрать кого-нибудь с более высоким уровнем репутации. А то, понимаешь, генералов много, а воевать-то и некому. Вам все ясно, товарищ Василевский?

– Так точно, товарищ Сталин, – вытянулся Василевский, – задание понятно.

– Тогда идите и немедленно приступайте к работе, – кивнул Верховный, – а мы тут с товарищем Ивановым переговорим о чисто политических аспектах балканского вопроса.

Пять минут спустя там же.

Присутствуют:

Верховный главнокомандующий, нарком обороны и генеральный секретарь ЦК ВКП(б) Иосиф Виссарионович Сталин;

Посол РФ в СССР – Сергей Борисович Иванов.

Когда за генералом Василевским закрылась дверь, Верховный положил трубку в пепельницу и задумчиво спросил:

– Так значит, товарищ Иванов, вы все же считаете, что Болгария должна стать еще одной советской республикой?

– А разве у вас, товарищ Сталин, на эту тему имеется какое-то другое мнение? – вопросом на вопрос ответил Сергей Иванов. – Республики Прибалтики, Молдавская Эс-Эс-Эр, да и недавняя судьба Финляндии говорит нам о той политике, которой советское руководство придерживается в отношении малых европейских стран. Исключением из этого правила пока является только Монголия и Тувинская республика. Впрочем, в нашем прошлом Туву, – видимо, из-за ее малости, – тоже включили в состав РСФСР, только на правах автономии.

– Да, – сказал Вождь, – вы не ошиблись. Мы действительно планируем включить Болгарию и не только ее, в состав Советского Союза. Но это не все. Скажите, как вы представляете себе сочетание советской власти и монархии, пусть даже она три раза конституционная?

– А точно также, – ответил Иванов, – как сочетание конституционной монархии и буржуазного парламентаризма. Вы же, товарищ Сталин, не догматик, а практик, и должны понимать, что советская система – это тот же парламентаризм, только предусматривающий руководящую и направляющую роль одной единственно верной коммунистической партии. А у той в отсутствии естественных ориентиров через какое-то время начинается разброд и шатание. И желание, то есть воля, масс, при этом ничего не значит, поскольку руководят этой партией люди, давно от этих масс оторвавшиеся. Можно даже сказать, что это чисто партийная аристократия. Как это бывает, когда партия загнивает и тянет за собой руководимое и направляемое государство, мы проходили у нас во времена развитого социализма.

– Мы тоже много об этом думали, – сказал Сталин, пройдясь по кабинету туда-сюда, – но пока не пришли ни к какому определенному выводу. Понятно только то, что нужен какой-то контролирующий орган, задача которого – содержать партию в моральной и идеологической чистоте, не скатываясь в догматизм. Но тридцать седьмой год показал, что будет, если доверить эту функцию карательным органам и оставить их без надлежащего внешнего контроля. Получается замкнутый круг. Партия должна контролировать органы, а те, в свою очередь, обязаны контролировать партию. Но скажите, товарищ Иванов, чем конституционная монархия может помочь решить эту проблему партийного строительства?

«Так-то оно так, – подумал Сергей Иванов, – вот только вот народ в этой схеме куда-то потерялся. Наверное, потому, что, пока не доходит до точки кипения, этот народ предпочитает безмолвствовать и даже в самой

наидемократичнейшей системе в значительной части уклоняется от высказывания своего мнения даже через прямое тайное голосование. Но об этом сейчас говорить не стоит. Товарищ Сталин не поймет, потому что считается, что партия состоит из лучших представителей этого самого народа и управляет страной в его интересах. Плесень там пока что скромно прячется по темным углам, по крайней мере, до тех пор, пока у государственного штурвала стоит этот невысокий рыжеватый грузин с желтыми тигриными глазами.»

– Наличие-отсутствие конституционной монархии или, к примеру, президентского поста вовсе не решает вопросы партийного строительства и контроля за органами госбезопасности, – сказал он вслух. – Для этого необходимо иметь другие механизмы. В данном случае сохранение конституционной монархии в полном соответствии с первоначальной Тырновской конституцией до минимума снизит сопротивление социальным преобразованиям со стороны традиционно настроенной части общества. И в первую очередь, со стороны самого царя Бориса, который является довольно незаурядной личностью и одновременно трагической фигурой. И статус конституционного монарха должен касаться только лично царя Бориса (как человека, сумевшего привести свою страну из вражеского лагеря на нашу сторону), но ни в коем случае не его наследника. И вообще, советская форма конституционной монархии должна быть сугубо временной формой государственного управления, предназначенной для царей, королей и прочих шахов, которые добровольно введут свои государства в состав Советского Союза…

– Говоря о таком, помимо Болгарии, вы, очевидно, имеете в виду Румынию и Персию? – хмыкнул Вождь.

– Именно так, – согласился Сергей Иванов. – Персидский шах Реза Пехлеви, в результате действий вашего преемника выпавшего из орбиты советского влияния, превратился в жестокого диктатора и верного слугу мирового империализма, а в Румынии, где монархию устранили через плебисцит, в итоге уже советская система выродилась в диктатуру Николае Чаушеску. Если этнокультурная доминанта какого-либо народа предусматривает подчинение одному лидеру, то у него этот лидер будет, как бы ни называлась эта должность. В противном случае мы имеем коллегиальное управление – совет старейшин и пляски под тамтамы. И тогда страной начинает управлять безликий «Комитет Пятисот», в котором никогда нет однозначного мнения и в котором никто ни за что не отвечает. Закономерно, что дело обычно заканчивается или

развалом, или делегированием полномочий какому-нибудь первому консулу, лорду-протектору или верховному главнокомандующему…

Выслушав это, Верховный усмехнулся рыжие усы.

– Мы понимаем, кого вы имеете в виду, товарищ Иванов, – сказал он, – и можем заверить, что никогда не стремились к этой должности.

– То есть, – сказал его собеседник, – товарищи из ЦК были согласны, надувая щеки, играть в коллегиальное управление, но как только запахло паленым, они тут же вручили вам бразды правления и умыли руки, снимая с себя ответственность. Вам – потому что больше было некому. Ни у кого больше не нашлось ни достаточного умения, ни мужества и оптимизма, чтобы в такой тяжелый момент встать за штурвал государства. В сытое и спокойное время вскарабкаться на трон рвется каждый дурак, а вот когда грохочут пушки и в выбитых окнах воет штормовой ветер, то далеко не каждый согласен брать на себя ответственность.

Сталин кивнул и неожиданно спросил:

– А этот царь Борис – как он вам показался при личной встрече? Стоящий человек или такое же пустое место, как наш последний царь Николашка?

– Болгарский царь Борис, – сказал Сергей Иванов, – не такой отчаянный боец, как товарищ Сталин, но и не такое пустое место, как царь Николай Второй. Как раз заготовка на конституционного монарха, который действует только исключительно в рамках своих монарших прерогатив. К личной власти не стремится. Нынешний премьер-министр Богдан Филов, идейный нацист, гитлерофил и мерзавец, набрал себе столько полномочий, что вполне серьезно носит прозвище «царь-заместитель». Но власть нынешнего правительства будет длиться ровно до тех пор, пока царь Борис не решится сменить флаг. За ним, в смысле за царем Борисом, стоит патриотическая офицерская организация «Звено». В нашем прошлом после его смерти эти люди не стали поддерживать регентов, а присоединись к антифашистскому Отечественному фронту. Именно организация «Звено» в нашем прошлом осуществила переворот сорок четвертого года, который вывел Болгарию из фашистского блока и присоединил к антигитлеровской коалиции. Пока царь Борис жив, без его команды эти люди не шевельнут и пальцем. Кстати, действующая болгарская конституция – это

весьма демократичный документ, дающий народу право вынести неудачному монарху вотум недоверия, заменить его наследником или избрать на его место совершенно постороннего человека. Прижизненная отставка монарха в болгарской политической системе не является чем-то особенным. Сам Борис заступил на место своего отца после того, как царя Фердинанда отстранили от престола и попросили убираться восвояси в свой родной Кобург.

– Ну что же, товарищ Иванов, – сказал Верховный, – теперь ваша позиция полностью понятна. Есть мнение, что мы можем на какое-то время отклониться от некоторых догм и попробовать в виде эксперимента сохранить в Болгарии ненаследуемую конституционную монархию. Разумеется, только в том случае, если болгарский царь и верные ему люди сами отринут союз с гитлеровской Германией и присоединят свою страну к Антигитлеровскому альянсу. А потом мы посмотрим на его поведение. Будет вести себя правильно – процарствует долго, как английская королева[14 - Товарищ Сталин имеет в виду королеву Викторию.], а если нет – мы его тут же абдиктируем к чертовой матери.

– Кстати, товарищ Сталин, – сказал вдруг Сергей Иванов, вспомнивший, что советский вождь не любит недомолвок, – а ведь вы были правы. Царь Борис действительно попросился под руку Российской Федерации, в чем ему было отказано, так как мы не ищем здесь себе удела. Защищать здешнюю Болгарию от Турции мы будем, а вот брать ее под свое покровительство – нет.

Еще пятнадцать минут спустя, там же.

Когда Сергей Иванов ушел, Верховный Главнокомандующий задумался. Конституционная монархия для Болгарии, если ее царь будет лишен реальной власти – это так, мелочи. Гораздо серьезнее тот вой, который поднимется в ЦК, когда станет известно, что он пошел на столь вопиющее нарушение марксистских догм. Марксистов-практиков там мало, а догматиков, наоборот, много.

А ведь опасность совсем в другом. Вот уже семь месяцев его люди и люди Лаврентия по ту сторону Врат ищут ответ на главный вопрос: почему рухнула система социализма, обеспечившая стране исторический рывок от лаптей и сохи до ядерного оружия и космических ракет, пережившая тяжелейшую войну и восстановившая страну из руин? Что пошло не так, каких ошибок следует

избегать и что еще следует сделать для того, чтобы первое в мире государство рабочих и крестьян стало богаче, сильнее и краше, чтобы преимущества системы социализма могли сказаться в полной мере, а недостатки по возможности были устранены?

И ведь правильно заметил товарищ Иванов: Россия по своей сути монархия, поэтому личность императора, генерального секретаря или президента после какого-то времени буквально впечатывается в государство. При нем, Сталине, это один Советский Союз, величественный и грозный. Но что будет, если его преемник, подобно Никитке, пустит в распыл все нажитое: политический авторитет, военную мощь, государственную безопасность и ту неуловимую нематериальную субстанцию, что позволяет людям ощущать советское государство своим. Девяносто первый год, если посмотреть на все процессы внимательно, начался сразу после его, Сталина, смерти в пятьдесят третьем году. Это именно тогда по, казалось бы, монолитному телу партии и государства побежали первые трещины…

Казалось бы, что проще: поройся в истории, подбери подходящую кандидатуру и сделай на нее ставку… Но среди членов ЦК и кандидатов таких людей нет. Там или ограниченные шорами работяги вроде Молотова, либо интриганы и повапленные гробы, место которых в подвале Лубянки. Двое перспективных персонажей имеются среди военных, и одного из них Вождь намерен испытать на болгарском направлении. Там не только воевать, там думать надо, причем сразу в государственном масштабе. Но пусть сначала товарищ Василевский сделает свой выбор, а товарищ Сталин в случае необходимости его поправит…

А чтобы возможному преемнику никто не мешал, необходимо железной рукой вычистить ЦК от преобладания в нем людей, в другой истории не оправдавших доверия партии и народа. Как верно заметил товарищ Иванов, людям с племенным сознанием не место в руководстве Великого Советского Государства. Что это за публика и кого она породила, сигналов из будущего больше чем достаточно. Еще одно напоминание о том, что сионизм – это тоже разновидность нацизма. Но никаких расстрелов и лагерей, ибо потомки такого не поймут. Может, и в самом деле организовать эдакий новый Израиль, куда и сплавить всю эту местечковую перхоть: кого в руководство, а кого и на поселение? Но расположено это место должно быть не в Палестине (ибо палестинцы ничем не провинились перед советским народом), и не на Дальнем Востоке, а на каком-нибудь острове, подальше от советских берегов. После разгрома Японии вытребовать под это дело Формозу – и свезти их всех туда оптом и поодиночке…

Но это так, мечты. На самом деле действовать придется некоторое время спустя после окончания войны, тоньше и тщательней.

Часть 18. На восточном фронте без перемен

18 ноября 2018 года, 12:40. Московская область, государственная дача «Ново-Огарево».

Президент Путин и академик Велихов

Уже больше полугода научная команда академика Велихова (по ходу работы преобразованная в государственный научно-исследовательский центр «Опал») пыталась разгадать тот физический ребус, который представляли собой Врата, соединяющие между собою два мира. Как говорил сам академик: «мы изучаем шестимерного крокодила, который от головы до хвоста – шесть метров, а от хвоста до головы – четыре.»

Сначала это изучение шло ни шатко ни валко, поскольку не было ни теоретического аппарата, ни соответствующих приборов, так что информацию приходилось получать косвенным путем. Но потом, подобно тому как один сорвавшийся камень вызывает на горном склоне лавину, пошли фундаментальные открытия. Но остальной мир по этому поводу пока пребывал в блаженном неведении, ибо новообразованный ГНИЦ подчинялся напрямую президенту, а режим секретности нам был ничуть не меньшим чем в аналогичных конторах, разрабатывающих оружие на новых физических принципах.

И вот академик запросился на аудиенцию, не дожидаясь срока очередного доклада, который обычно проходил в первых числах каждого месяца. Такого за полгода не случалось еще ни разу, и президент пребывал в некотором недоумении по поводу причин такой торопливости обычно основательного ученого.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Город Рованиеми располагается фактически на линии полярного круга.

2

Кайтсели – эстонская буржуазно-националистическая организация, айзасарги – латышская.

3

Франция капитулировала двадцать второго июня сорокового года, ровно за год до нападения на СССР.

4

О ливийской нефти в 1942 году никто и не подозревает. Геологоразведочные работы там начались в 1955 года, а в промышленных масштабах нефть в Ливии начали добывать с 1970 года.

5

В этом варианте истории японское командование не стало замахиваться на Австралию и Новую Зеландию (вследствие чего из их планов выпала и Новогвинейская операция), а сосредоточила усилия на прорыве в Индию.

6

Нёйиский договор – мирный договор (являвшийся частью несправедливой Версальской системы) заключённый между Болгарией, проигравшей Первую мировую войну в качестве участницы блока Центральных держав, и противостоящими блоку странами Антанты. Договор был подписан 27 ноября 1919 года в пригороде Парижа Нёйи-сюр-Сен (фр. Neuilly-sur-Seine).

Болгария теряла часть территории (свыше 11 тыс. км? или 1/10 территории страны и 1/7 населения), которая передавалась Греции, Румынии и Королевству Югославия.

Сумма наложенной на страну контрибуции составила 2,25 млрд франков золотом (407 млн дол. или 1/4 национального достояния), которые Болгария должна была выплатить в течение 37 лет.

Численность сухопутных вооружённых сил ограничена до 33.000, включая 20.000 – армии, 10.000 – жандармерии и 3.000 – пограничников. Призывная служба отменена. Военно-морской флот Болгарии сокращался до 10 кораблей; также Болгарии запрещалось иметь авиацию и любые виды тяжёлого вооружения.

7

Александр Голованов – фанат дальних стратегических бомбардировщиков, огромных, мощных и прекрасных, но он не в курсе, какое впечатление на солдат третьей панцергруппы, перебрасываемой по рокадным дорогам на выручку окруженной второй армии, произвели налеты тех самых «легких» штурмовиков Су-25. До того дня только у люфтваффе получалось срывать перегруппировку вражеских войск в прифронтовой полосе, так что бомбоштурмовые удары самолетов ВКС стали для немцев настоящим шоком.

8

Чтобы в таком случае самолет летел прямо, разворачивающий момент от ассиметричной тяги парируют рулем направления, который создает дополнительное лобовое сопротивление.

9

Газобаллонные автомобили на пропан-бутане изобрели как раз в Германии вол время второй мировой войны, потому что смесь этих газов являлась побочным продуктом при синтезе искусственного бензина.

10

В нашей истории авиация дальнего действия была выделена из состава ВВС РККА только в мае 1942 года, но в этой реальности такое решение было принято почти сразу после завершения Смоленского сражения.

11

Нам, авторам, крайне сложно понять, где эти деятели нашли у болгар арийские корни? Наверное, так же, как хорватские усташи, притянули за уши по принципу: «нашему забору двоюродный плетень». Когда-то предки нынешних болгар обитали на причерноморских равнинах по соседству с крымским готами и ариями-алананами. Родство – седьмая вода на киселе, и ведь туда же…

12

Отречься от престола.

13

Тырновская конституция (болг. Търновска конституция, официально Конституция Болгарского княжества, болг. Конституция на Българското княжество, принята 16 (28) апреля 1879 года) – первая конституция Болгарии (Княжество Болгария).

В разработке конституции принимали участие болгарские эмигранты с западноевропейским юридическим образованием. Принята учредительным Великим Народным собранием в Велико-Тырново. Содержала значительные по тем временам ограничения княжеской власти (правительство было ответственно перед парламентом, депутаты неприкосновенны), допускала избрание князя. Требовала в случае вакансии престола коллективное регентство из трёх человек. Предусматривала разделение властей и официальный статус БПЦ.

В 1893 и 1911 годах при князе (с 1908 царе) Фердинанде I в конституцию были внесены поправки, усилившие власть монарха и ограничившие демократию. Действовала до декабря 1947 года, когда была образована Народная Республика Болгария.

14

Товарищ Сталин имеет в виду королеву Викторию.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mihaylovskiy_yuliya/balkany-krasnyy-rassvet

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить